

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

V Международная научная конференция

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Краснодар

УДК 93
ББК 63
И90

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, К. И. Курпаяниди, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, М. С. Федорова, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Кыят Эмине Лейла (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узиков (Узбекистан), М. С. Федорова (Россия), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан), З. Н. Шуклина (Россия)

История и археология: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). — Краснодар : Новация, 2018. — iv, 44 с.

ISBN 978-5-906990-36-5

В сборнике представлены материалы V Международной научной конференции «История и археология».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Попело А. В.

Сарайская епархия XIII–XV веков как историко-культурный феномен (к постановке проблемы) 1

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Ашаткина М. А.**

Актуальные вопросы Гражданской войны в России в оценке российских и зарубежных историков 5

Бабенко О. В.

Медицина Российской империи конца XVIII – начала XX века в новой научной литературе 7

Бакарягин С. С.

А. А. Фет и А. Н. Энгельгардт: два взгляда на рациональное хозяйство 13

Гусев К. Д.

Мемуары Е. К. Лигачева как источник изучения идентичности автора 15

Капорина Ю. В.

Святые и грешники русской истории: агиографический этап русской киногероики 20

Мигурская П. Е.

Место музыки в древнегреческом обществе периода высокой классики 25

Савельева Е. В., Викторов А. Г.

Астрахань в 1965–1985 гг. Проблемы и противоречия региона с позиции современного научного знания 26

Семенова И. А.

Гендерный подход к изучению специфики формирования морали и нравственности в викторианской школе 28

Таранушич В. А.

Эдвард Лидскалнин и его Коралловый замок 32

Федорова Т. В., Степанов А. В.

Общественная благотворительность иркутян в годы Первой мировой войны 34

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Федченко О. Д.

12 первых русских дипломатов: об именах русских послов 911 года 40

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Сарайская епархия XIII–XV веков как историко-культурный феномен (к постановке проблемы)

Попело Антон Владимирович, кандидат географических наук (г. Воронеж)

В работе рассмотрено активное существование и деятельность в XIII–XV вв. такого интересного пространственно-территориального образования, как Сарайская епархия, располагавшегося в том числе на территории Подонья (Средний Дон). Кратко рассмотрена ее история. Рассмотрены некоторые понятия, относящиеся к епархии как к «проводнику» христианско-православной религиозной деятельности, а также к религиозной (христианской) культуре. Дано авторское определение понятия «историко-культурный феномен».

Ключевые слова: Епархия, Сарайская епархия, культура, история, религия, народы Подонья, историко-культурный феномен.

Для лучшего понимания российской истории важно разностороннее изучение истории и культуры различных частей — территориальных образований в настоящее время входящих в территорию Российской Федерации.

Интересным, заслуживающим самого пристального внимания и изучения — территориальным образованием являлась Сарайская епархия в XIII–XV веках. Она, безусловно, внесла вклад в культурное развитие территории Подонья в средние века.

Целью данной работы является первоначальное рассмотрение Сарайская епархия XIII–XV веков как историко-культурного феномена.

Итак, религия представляет собой одну из областей духовной культуры. Важным «проводником» христианско-православной религиозной деятельности является функционирование епархий.

В работе [1] приводится такое определение понятия епархия.

Епархия (греч. eparchia) — в православных церквях церковно-административная территориальная единица во главе с архиереем (епископом).

В работе [2] говорится, что епархия — церковно-административная территориальная единица, управляемая архиереем.

Соответственно епископ (греч. episkopos) — в православной, католической, англиканской церквях высшее духовное лицо, глава церковно-административной территориальной единицы (епархии, диоцеза) [1].

В работе [1] в одном из значений приводится такое определение понятия история.

История (от греч. historia — рассказ о прошедшем, об узнанном) — 1) процесс развития природы и общества.

В работе [2] в одном из значений отмечается, что история — действительность в ее развитии, движении.

В другом значении, история — это прошлое, сохраняющееся в памяти человечества.

В работе [1] приводится следующее определение понятия культура.

Культура (от лат. cultura — возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание) — исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях... Понятие «Культура» употребляется для характеристики определенных исторических эпох (например, античная культура); конкретных обществ, народностей и наций (например, культура майя), а также специфических сфер деятельности или жизни (культура труда, быта, художественная культура); в более узком смысле — сфера духовной жизни людей.

В работе [2] в одном из значений приводится следующее определение понятия культура.

Культура — совокупность производственных и духовных достижений людей.

Духовная жизнь — это сфера общественной жизни, связанная с производством и распределением духовных ценностей, удовлетворением духовных потребностей человека [3].

Соответственно, духовные потребности — это нужда людей и общества в создании и освоении духовных ценностей, т.е. потребность в нравственном совершенствовании, в удовлетворении чувства прекрасного, в сущностном постижении окружающего мира; для удовлетворения таких потребностей формируется и функционирует отрасль духовного производства [3].

Духовные потребности в отличие от материальных не заданы биологически, не даны (хотя бы в своей основе) человеку от рождения; потребность индивида в освоении

мира культуры имеет для него характер социальной необходимости, иначе он не станет человеком; естественным образом эта потребность не возникает; она должна быть сформирована и развита социальным окружением индивида в длительном процессе его воспитания и образования [3].

В работе [2], в одном из значений, «феномен» определяется как явление, в котором обнаруживается сущность чего-нибудь. Например, феномен долголетия. Мода — социальный феномен.

В работе [2] в одном из значений приводится такое определение понятия феномен.

Феномен (от греч. *phainomenon* — являющееся) — необычный исключительный факт, явление.

Таким образом, можно дать следующее определение понятия «историко-культурный феномен».

Историко-культурный феномен — это уникальное явление, связанное с историей и культурой, отражающее определенную сторону жизни и деятельности людей и уровень развития общества.

Соответственно деятельность любой епархии относится к религиозной (христианской) культуре.

Функционирование Сарайской епархии, весь активный период ее существования, а именно XIII—XV века представляло собой историко-культурный феномен. Она была уникальна. Это проявлялось и в разнородном, «пестром» составе населения территории, на которой функционировала данная епархия. И в том, что основная масса населения рассматриваемой территории исповедовало в начале тенгрианство (шаманизм), а затем ислам. Спецификой экономической деятельности населения — была большая роль кочевого скотоводства.

Вместе с другими областями духовной культуры — религия, в том числе православие на территории функционирования Сарайской епархии, а именно на географической территории Среднего Дона производила и накапливала способы и приемы осуществления бытия человека и материальной и духовной деятельности, реализовывала их в духовных продуктах и передавала их из поколения в поколение.

В наши дни, сейчас, основная религия на рассматриваемой территории (Средний Дон) — православие.

Важно отметить, что при всей сложности взаимоотношений религии с другими областями духовной культуры на протяжении истории они взаимно влияли друг на друга, образовывали единство и целостность.

Религия, являясь частью культуры, внутри себя синтезирует определенные явления других областей культурной жизни, изменяя свои формы и внутреннее содержание.

Как уже отмечалось выше, на территории функционирования Сарайской епархии в XIII—XV веках сосуществовали различные религии, причем их доля была разной и она менялась. Это соответствовало уровню развития данной территории на конкретный исторический момент, причем как духовному, так и материально-экономическому.

Таким образом, функционирование, существование и развитие Сарайской епархии является определенным источником по развитию географической территории Среднего Дона в рассматриваемый временной период, а именно в XIII—XV веках. Само это существование отражает сведения о культуре и истории народов Подонья в эпоху Средних веков.

Территория функционирования Сарайской епархии в XIII—XV веках формировалась в русле культурогенеза. Различное, во многом уникальное, взаимодействие религий происходило при уникальном взаимодействии и сосуществовании этносов: татаро-монгол (ордынцев) — носителей степной кочевой культуры и славян (в том числе населения тяготевшего к славянам) — в большинстве своем носителей оседлой земледельческой культуры [4].

Важно отметить, что сущностью культурогенеза — является постоянное самообновление культуры, заключающееся как в пути трансформации уже существующих систем и форм, так и в порождении новых культурных форм и их интеграции в существующие культурные системы [5].

Русь была завоевана татаро-монголами к 1241 году.

Русские княжества отныне должны были платить разную дань. Например, татаро-монголы стали забирать десятую часть имущества и населения [6]. Причем, население забирало независимо от пола. Часть забранного населения шла на формирование армии, другие на внутреннее обслуживание страны и рабочей силы.

Освобождено было от уплаты дани духовенство и церковное имущество [6].

В работе отмечается, что часть народа, предназначенная для пополнения вооруженных сил татаро-монгол, селилась на указанных ими землях, обзаводилась семьями и превращалась в военные поселения [6].

Русские в отличие от кочевых племен были прикреплены к землям и должны были заниматься скотоводством, коневодством, огородничеством, рыболовством и охотой [6].

Таким образом, выводимая десятая часть русского населения отрывалась от родной земли навсегда.

В те же условия было поставлено все население Приазовья, или народы бывшей Тмутаракани (ясы, косоги, печенеги, торки, берендеи и т.д.), и бродники, разбросанные в степной полосе [6]. Отметим, что первоначально религией ясов, косогов, печенегов, торков, берендеев как и у многих других степных кочевников было тенгрианство (шаманизм).

Объединяющим началом для этого, угнанного (русского и тяготеющего к русским), населения служила религия и язык [6].

В работе [6] выделяется то, что с падением авторитета русских князей в жизни русского народа начинает подниматься авторитет митрополита. Митрополит пользовался со стороны власти татаро-монгол значительными льготами; власть его по сравнению с княжеской

была обширной; в то время как власть князя ограничивалась владениями его княжества (но, был в зависимости от татаро-монгол), власть митрополита распространялась на все русские княжества, включая и народ расселенный в степной полосе, непосредственных владениях различных кочевых улусов [6].

На территории занимаемой Сарайской епархией в XIII—XV веках проходили сложные этнические процессы, в настоящее время на рассматриваемой территории (Средний Дон) — выделяется Среднедонская этноконтактная зона [4].

Территория Среднего Дона охватывает части территорий современных Волгоградской, Саратовской, Ростовской областей и Луганскую область Украины [7, 8]. Этот ареал во многом совпадал с Сарайской епархией.

Данная территория является традиционно казачьей. Известно, что сами казаки традиционно связывают историю своего становления со многими кочевыми и полукочевыми народами, издревле населявшими территорию Верхнего и Среднего Дона, а именно: скифами, сарматами, аланами, хазарами, печенегами, половцами и др. [6, 9].

Сарайская епархия была учреждена в 1261 году в столице Золотой Орды (улусе Джучи) городе Сарай — Бату [10, 11].

Первым епископом Сарайским стал святитель Митрофан, в управлении которого находилась также Переяславская епархия [10].

В работах [10, 11] отмечается интересный факт, вероятно, епископ Сарайский кочевал вместе с ханской ставкой в случае необходимости.

В столице Сарае находились большие кварталы разных национальностей [12]. Были в городе и за пределами города и православные приходы, которые подчинялись Сарайской Епархии [12].

Вообще, известно, что практически в каждом городе Золотой Орды (Сарайская епархия) имелись православные храмы [13].

Известно, что многие половцы XII — XIII веков были православными [10].

Православными на момент создания епархии были и аланы [14].

Известной группой населения, жившей на территории Подонья в рассматриваемый временной период, были бродники. Преимущественно данная группа населения жила по течению рек Дон и Северский Донец и их притоков.

По данным работы [6], население это большей частью обслуживало речные переправы.

В работе [15] говорится, что бродниками русские летописи XII века называли свободных воинов, живших в Придонских степях и Приазовье, управлявшихся своими воеводами. Таким образом, слово «бродник» происходит от слова бродить — т.е. быть свободным, никому неподвластным.

Среди бродников безусловно были православные.

Татаро-монгольские ханы традиционно были веротерпимы.

Как уже говорилось выше до 1251 года основным вероисповеданием монголов было тенгрианство (шаманизм), а после стал распространяться ислам, когда хан Берке принял эту религию.

Таким образом, говоря о духовном влиянии Сарайских епископов на местное население, важно отметить, что до половины XIV века, татар — монголы были еще язычниками; христианские приходы не подвергались никаким стеснениям; церковные имущества освобождались от сборов в пользу хана. В Золотой Орде епископы могли обращать в христианство — крестить и татар — монгол, поэтому и некоторые татар — монголы были православными. В частности от крещенных в Сарайской епархии татар — монгольских (ордынских) дворянских родов произошли многие российские дворянские роды, в том числе Годуновы, Кутузовы, Сабуровы и др.

В 1320-х годах при хане Узбеке государственной религией в Золотой Орде стал ислам. Принятие ислама ханом Берке, вероятно не повлекло за собой принятия этой религии широкими массами населения; исламизация шла медленно.

Важно также отметить, что при хане Берке, в XIII веке, столица Золотой Орды была перенесена [12]. Эту столицу называют Сарай-Берке [12]. Существует гипотеза, согласно которой город Сарай-Берке находился на месте ныне существующего села Царев Ленинского района Волгоградской области [12].

К концу XIV века с воцарением хана Мамай в Золотой Орде христианское население стало терпеть разные обиды и притеснения.

В 1395 году город Сарай-Берке полностью был уничтожен великим эмиром империи Тимуридов Тимуром (Тамерланом) а, золотоордынским ханом тогда был Тохтамыш [12].

В работе [16] говорится, что в первой половине XIV века епископ Варсонофий, оставаясь в Сарае, заложил в Крутицах, недалеко от Москвы, промежуточное епископское подворье, но когда в Орде началась разруха, центром епархии стали не Крутицы, а город Переславль Рязанский.

А в середине XV века, когда Золотая Орда распалась на отдельные части, центр епархии обосновался в Крутицах. Владыки стали именоваться архиепископами и митрополитами Крутицкими, но сохраняли и старый титул епископов Сарайских и Подонских.

Интересно отметить, что Крутицы в настоящее время — это Таганский район Москвы [10].

Отметим, что несмотря на исламизацию Орды, именно благодаря Сарайской епархии многие её народы — чуваша, марийцы, удмурты, мордва и другие — обратились в православие [17].

Таким образом, предположительно следующие группы населения были паствой сарайских епископов:

1) Русское (славянское) население на данных завоеванных татар — монголами территориях, пережившее завоевание;

2) Русское население, угнанное в орду;

3) Православные половцы, православные аланы, православные бродники и прочие предшественники казачества;

4) Другие народы Золотой Орды, принявшие православие (как говорилось выше: чуваша, марийцы, удмурты, мордва и др.)

5) Люди, прежде всего русские князья, приехавшие в Орду по различным дипломатическо-политическим вопросам;

6) Православное купечество и сопровождающее его православное население и др.

В заключение, отметим также то, что территория Верхнего Дона (часть Тульской области и территории Воронежской и Липецкой областей) с 1198 года входила в Рязанскую и Муромскую епархию [11].

Таким образом, Сарайская епархия в период своего активного существования (XIII–XV вв.) является историко-культурным феноменом, и уникальным пространственно-территориальным образованием, располагавшимся, в том числе на географической территории Подонья.

Литература:

1. Советский энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет: А. М. Прохоров (председатель). — М.: Советская энциклопедия, 1981. — 1600с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Русский язык. — 1989. — 924с.
3. www.Grandars.ru. Философия. Современная философия. Духовная жизнь и потребности человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/duhovnye-potrebnosti.html> (дата обращения 10.01.2018 г.).
4. Попело А. В. Среднедонская этноконтактная зона: эволюция природопользования // Материалы V Межрегиональной научно-производственной конференции «Региональный мониторинг и оценка земель. Опыт. Современные проблемы и пути решения», Воронеж: ВГАУ, 2005, — С. — 164–171.
5. Vuzlit.ru. Понятие о культурогенезе. [Электронный ресурс]. URL: https://vuzlit.ru/497309/ponyatie_kulturogeneze (дата обращения 10.01.2018 г.).
6. Гордеев А. А. История казачества. — М.: Вече, 2008. — 640с.
7. Попело А. В. Обоснование методов мониторинга земель историко-культурного назначения (на примере территории Верхнего и Среднего Дона). /Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук — Воронеж: ВГПУ, 2006. — 177с.
8. Попело А. В. К концепции мониторинга земель и объектов историко-культурного назначения / А. В. Попело // Вестник ВГУ, Серия: География. Геоэкология. — Воронеж: ВГУ, 2013. — № 2 — с. 44–47.
9. История Дона и Донского казачества. Вместо предисловия [Электронный ресурс]. URL: Donrise.ru/Cossacks/saveliev2/tabid/455/Default.aspx?PageContentID=1 (дата обращения 10.01.2018).
10. Военное обозрение. История. Ханы и Сарайская епархия [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/30117-hany-i-sarayskaya-eparhiya.html> (дата обращения 10.01.2018).
11. Джон Феннел. Кризис Средневековой Руси 1200–1304. — М.: Прогресс, 1989. — 296с.
12. Православный Приход храма Казанской иконы Божией Матери город Мариинский Посад Чувашской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://kazmariinsk.prihod.ru/stranicy_istorii_razdel/view/id/27329 (дата обращения 10.01.2018).
13. blagovest-elista.ru. Элистинская и Калмыцкая епархия. Христианство в Золотой орде [Электронный ресурс]. URL: <http://blagovest-elista.ru/2014/10/17/xristianstvo-v-zolotoj-orde/> (дата обращения 10.01.2018).
14. Древо открытая православная энциклопедия. Аланы [Электронный ресурс]. URL: drevo-info.ru/articles/21342.html (дата обращения 10.01.2018).
15. История Дона и Донского казачества. Бродники. Епархия Сарская и Подонская [Электронный ресурс]. URL: Donrise.ru/Cossacks/saveliev2/tabid/455/Default.aspx?PageContentID=6 (дата обращения 10.01.2018).
16. Энциклопедии & Словари. Исторический словарь. Сарайская епархия URL: <http://enc-dic.com/history/Sarajskaya-Eparhiya-39260.html> (дата обращения 10.01.2018).
17. Сайт муниципальной газеты Красноярска «Городские новости». Орда православная URL: <http://www.gornovosti.ru/tema/history/orda-pravoslavnaya.htm> (дата обращения 10.01.2018).

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Актуальные вопросы Гражданской войны в России в оценке российских и зарубежных историков

Ашаткина Мария Александровна, студент
Самарский государственный технический университет

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы Гражданской войны в России с точки зрения различных позиций. Внимание акцентировано на вопросах хронологических рамок, причинах и исходе Гражданской войны в России в оценке отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Гражданская война, историография, Белое движение, большевики.

Практически каждое государство в тот или иной период претерпевает такое историческое явление, как гражданская война. И этот период обычно наступает, когда противоречия, между различными социальными группами, достигают кульминационного момента. Наблюдаются две стороны конфликта. Во-первых, когда инициатива народа не поддерживается представителями политической элиты. Во-вторых, когда индивидуальное сознание опережает общественное и не поддерживается большинством.

Наше Российское государство не стало исключением, причем такая проблема назрела уже в начале XIX века. В то время как в ведущих странах мира произошла смена политического строя, Российское государство на протяжении ста лет не решалось вносить изменения в области политики. И это привело к трагедии российского народа уже век спустя.

На Гражданскую войну в России существуют различные взгляды. Даже сам термин трактуется по-разному в различных источниках. Например, Большая Советская энциклопедия говорит нам, что «Гражданская война и военная интервенция в России — борьба рабочих и трудящихся крестьян Советской России под руководством Коммунистической партии за завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, свободу и независимость Советской Родины против сил внутренней и внешней контрреволюции» [1]. Современные же словари описывают Гражданскую войну как «цепь вооружённых конфликтов между различными политическими, этническими и социальными группами на территории бывшей Российской империи, последовавших за Февральской и Октябрьской революциями 1917 г». [2]. В.И. Ленин в 1917 г. сформулировал классическое определение гражданской войны: «Чаще всего — можно сказать, даже почти исключительно, наблюдается в сколько-нибудь свободных и передовых странах гражданская война между теми классами,

противоположность между коими создается и углубляется всем экономическим развитием капитализма, всей историей новейшего общества во всем мире, именно: между буржуазией и пролетариатом» [3, с.11].

Есть ли определенная дата начала Гражданской войны? Этот вопрос не имеет однозначного ответа и на сегодняшний день, мнения отечественных и зарубежных историков расходятся, и таковых версий не две, и даже не три, а намного больше. Сторонники самодержавия как единственной эффективной формы управления Россией считают, что его свержение неминуемо должно было привести к войне, что и произошло, и называют дату начала войны — февраль 1917 года. Кроме сторонников самодержавия, начало войны и Февральскую революцию изначально связывали и большевики. Хотя у самого В.И. Ленина мнение о дате начала гражданской войны постоянно корректировалось (сначала февраль 1917 года, потом 3–4 июля, затем корниловский мятеж). После октябрьских событий 1917 г. Ленин определял хронологические рамки войны так: «начиная с победы над Керенским под Гатчиной, продолжая победами над буржуазией, юнкерами, частью контрреволюционного казачества в Москве, Иркутске, Оренбурге, Киеве, кончая победой над Калединым, Корниловым и Алексеевым в Ростове-на-Дону» [4, с.392].

В 30-е годы XX века точка зрения на начало войны переместилась на октябрь 1917 года. Историки из антикоммунистического лагеря полагали, что насильственный захват власти большевиками вверх Россию в Гражданскую войну. Такого же мнения придерживаются историки-либералы Н. Верт, В.П. Островский, А.И. Уткин. Марксистско-ленинской концепция истории Гражданской войны напротив пыталась доказать, что никакой связи между Октябрьской революцией и этой войной не существует. А начало Гражданской войны связывалась с иностранной интервенцией [5, с.63].

Сторонники следующей позиции считают, что разгон Учредительного собрания подтолкнул страну к решению вопроса о власти силой оружия. И соответственно называют датой начала войны 5 января 1918 года. Некоторые историки считают, что конфронтацию до предела обострил Брестский мир, и полагают датой начала войны 3 марта 1918 г., приводя в подтверждение документы, свидетельствующие о резком росте недовольства общества и особенно офицерства унижительным мирным договором.

Одна из основных позиций, которую можно встретить в современной исторической литературе о начальной точке Гражданской войны это май — июнь 1918 года, в частности с мятежа Чехословацкого корпуса, когда впервые были образованы внутренние фронты. То есть война стала «делом профессионалов». Такой точки зрения придерживается американский историк Сергей Петров [6] и отечественные историки-материалисты М. П. Ким, Ю. С. Кукушкин. По их мнению, мировая буржуазия с целью реставрации буржуазных порядков развязала Гражданскую войну. Это позволило обвинить в развязывании Гражданской войны исключительно Антанту и «белобандитов».

Зарубежные исследователи 60-х гг. XX века, развивая идеи эмигрантских авторов 20-х гг., доказывали, что главным виновником развязывания гражданской войны были большевики, которые стремились в отсталой крестьянской стране установить свою диктатуру и построить социализм.

Многие современные историки более широко подходят к проблеме начала Гражданской войны и утверждают, что нет четкой грани между войной и миром. Поэтому начало Гражданской войны рассматривают не как единую дату, а как процесс перехода идеологических разногласий к открытым боевым действиям.

Так же открытой остается проблема окончания войны. В советской историографии считается, что Гражданскую войну завершила победа большевиков над войсками Врангеля и перемирие с Польшей. Современные же историки в свою очередь полагают, что борьба с большевиками в различных районах страны продолжалась до 30-х годов.

Другая не менее значимая проблема, на которую не дано однозначного ответа, и мнения историков расходятся и на сегодняшний день: почему победили красные? Или иными словами: почему проиграли белые?

Аксиоматичным является утверждение о том, что в гражданских войнах побеждает та сторона, которую больше всего поддерживает население страны. Россия являлась аграрно-промышленной страной, и большинство ее населения составляли крестьяне, от которых в основном и зависел исход войны. В советской историографии это одна из основных причин, отражающих победу большевиков. С одной стороны это утверждение правильно, так как работа белых лидеров на контролируемых ими территориях носила зачастую формальный характер, что вызывало недовольство со стороны населения. Однако, как справедливо замечают некоторые историки, такие как С. П. Петров [6], С. Г. Кара-Мурза [7, с.360]

и др., крестьянские и рабочие выступления вспыхивали как против белых, так и против красных. И многие крупнейшие из них по своей направленности были явно не в пользу большевиков. По их мнению, несмотря на то, что антибольшевистские движения не смогли завоевать поддержки крестьянского населения, это не является основополагающим фактором исхода Гражданской войны.

Остальные причины поражения Белого движения условно можно разделить на две направляющих: ошибки белых и преимущества красных.

Один из главных выводов, к которому пришли историки 20-х гг., состоял в том, что временную и весьма ненадежную силу Белому движению, самому серьезному противнику большевиков, давали непоследовательная поддержка колеблющихся масс крестьянства и казачества.

В. И. Ленин главную причину победы большевиков видел в неспособности противника организованно и слаженно выступить против них. И с этим соглашаются многие современные историки. Белые не выглядели единой силой на протяжении всей войны. Лидеры Белого движения были офицерами, но никак не политиками, то есть не могли правильно пропагандировать.

К тому же, белые не решались ломать свое, родное в отличие от красных, которые были сильнее именно благодаря развязанным рукам и инструментальному отношению к России. Подход, которого придерживались белые, заставлял принимать на свои плечи тот груз противоречий, который уже существовал в обществе, что и помешало им выработать и заявить единую целостную позицию.

Как считают многие историки, важным направлением в деятельности большевиков стало то, что, в отличие от белых, они уделяли внимание не только политическим, но и социальным и экономическим вопросам. Что также определяет их победу в Гражданской войне. Представители Белого движения, начертав лозунги «За Великую, Единую и Неделимую Россию» не предрешали ни будущее государственное устройство, ни экономическую и социальную позицию страны. По мнению их лидеров, основополагающим было освободить страну от большевиков, а дальнейшую судьбу страны будет решать сам народ, отправив своих представителей на некое подобие существовавшего когда-то Земского Собора. В обратную сторону этот лозунг сыграл и в случае с крупными мировыми державами. Ни Германия, ни Англия, ни Япония, ни США и Франция не были заинтересованы в сильной и единой России, поэтому интервенция принесла больше вреда, чем пользы Белому движению. Интервенты, не вступив ни в один бой с большевиками, откровенно преследовали свои политические и экономические интересы. Их целью было побудить Россию продолжить войну с Германией, при этом так называемые «союзники» открыто занимались грабежом, вывозя промышленное оборудование и природные ресурсы из страны. Ф. Шуман осуждает прямую интервенцию иностранных держав и помощь их белогвардейцам. В своей монографии он пишет: «Война велась под предлогом задачи показать русскому народу путь к миру и де-

мократии, а на деле принесла разрушение городов и деревень, смерть тысяч русских людей» [8, с.171].

В. Кирхнер в кратком учебном пособии для колледжей пишет о причинах победы большевиков: «патриотизм защиты своей страны от иностранных захватчиков, энтузиазм создания «бесклассового общества», страх (части народных масс и особенно крестьян) потерять экономические преимущества, полученные благодаря революции» [9, с.218].

Таким образом, Гражданская война в России — сложный и противоречивый процесс, предмет для споров между исследователями сегодня и, вероятно всего, в бу-

дущем. Существуют различные взгляды историков на хронологические рамки войны, ученые всего мира спорят о причинах войны и ее последствиях. Нет однозначно ответа и на вопрос: почему красные победили? Но на сегодняшний день среди множества выдвинутых версий об исходе Гражданской войны в России выделяют основные позиции, наиболее логичные и научно обоснованные.

Гражданская война — одна из наиболее трагичных страниц в истории России. И важно изучать ее, рассматривая с различных позиций, чтобы не повторить ошибок прошлых поколений.

Литература:

1. Гражданская война и военная интервенция 1918–20 // Большая Советская энциклопедия. URL: https://www.litprichal.ru/slovari/enc_sovet/459598.php (дата обращения: 25.01.2018).
2. Гражданская война в России // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/22> (дата обращения: 25.01.2018).
3. Ленин В. И. ПСС. Т. 26. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1969. — 591 с.
4. Ленин В. И. ПСС. Т. 35. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1974. — 600 с.
5. Сталин И. В. Краткий курс истории ВКП(б). — М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1938. — 280 с.
6. Petroff, S. Remembering a Forgotten War: Civil War in Eastern European Russia and Siberia, 1918–1920. — N. — Y., 2000.
7. Кара-Мурза С. Г. Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века. — М.: ЭКСМО, 2003. — 384 с.
8. Schuman F. L. American policy toward Russia since 1917. — N. — Y., 1928. — 280 p.
9. Kirchner W. An outline history of Russia. — N. — Y., 1948. — 306 p.

Медицина Российской империи конца XVIII — начала XX века в новой научной литературе

Бабенко Оксана Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва)

Медицинская проблематика в истории Российской империи постоянно находится в центре внимания исследователей — историков, врачей, юристов, философов. Это связано с тем, что здравоохранение — одно из первоочередных направлений деятельности государства, позволяющее сохранить человеку здоровье и продлить ему жизнь. За последние десять лет вышли сотни научных трудов по данной проблематике [1; 7; 10 и др.]. В обзоре представлены публикации современных ученых 2017 года издания по проблемам развития медицины в Российской империи конца XVIII — начала XX вв. Материалы касаются различных вопросов здравоохранения: управления медицинскими учреждениями, юридической базы медицины, особенностей лечебного дела в отдельных губерниях, военной медицины, земской медицины и т.п.

Медицина в Российской империи эпохи капитализма: общие тенденции развития

Развитию медицины в Российской империи и его правовой базе посвящена статья заведующей кафедрой Ме-

дицинской академии им. С.И. Георгиевского, д-ра мед. наук О.С. Третьяковой [9]. Как справедливо отмечает автор, в начале XIX в. в Российской империи проводится реформа государственного аппарата, в результате которой создаются министерства, однако «создание министерства здравоохранения этой реформой не было предусмотрено...» [9, с. 177].

В начале XIX в. больницы и приюты для инвалидов и сирот основывались и содержались Медицинским советом Министерства внутренних дел Российской империи и приказами общественного призрения, количество которых росло в связи с увеличением числа губерний. Медицинский совет был создан в 1803 г. при Департаменте полиции МВД, а в 1810 г. передан в ведение Министерства народного просвещения. В 1811–1822 гг. существовали два общегосударственных Медицинских совета: один при Министерстве полиции (с 1819 г. при Министерстве внутренних дел), а другой — при Министерстве народного просвещения. С 1822 г. работал только один Медсовет — при МВД. С конца XVIII в. действовали также губернские Медицинские советы. Регламентация ока-

зания медицинской помощи осуществлялась «на основе нормативно-правовой базы, состоящей как из указов императора, так и ведомственных актов Министерства внутренних дел» [9, с. 178].

При Александре I получает развитие общественная медицина. В 1802 г. в Петербурге создается «Императорское человеколюбивое общество» под покровительством членов императорской фамилии, а в 1816 г. — аналогичное общество в Москве. Под руководством императрицы Марии Федоровны члены общества «организовывали массовые прививки против оспы, лечение на дому, налаживали медицинскую помощь в приютах и родильных домах, в тюрьмах и исправительных домах, занимались благоустройством больниц» [9, с. 178].

Совершенствуется юридическая база здравоохранения. В 1833 г. издается «Свод законов Российской империи», один из томов которого посвящен Врачебному уставу. Согласно Уставу, общая направленность организации и развития медицины регулировалась в то время медицинской полицией. За счет деятельности медицинской полиции «во многом реализовывалась общая профилактическая направленность организации и развития медицинского дела в стране, способствующая уменьшению числа возникновения массовых заболеваний» [9, с. 178].

Следует отметить, что медицина развивалась не только в центральных губерниях Российской империи, но и на далеких окраинах. Так, по мере освоения дальневосточных земель в конце XVIII — середине XIX в. на этой территории создаются элементы военно-медицинской службы, открываются первые госпитали, которым посвящена статья доцента Филиала Дальневосточного федерального университета, канд. ист. наук Т. А. Князькиной (3). Автор отмечает большую роль военных медиков в процессе становления медицинской помощи гражданскому населению. Удаленность дальневосточных портов от пунктов снабжения и ограниченность материальных ресурсов усложняли охрану здоровья солдат и матросов. Однако это не помешало организовать профессиональную работу медиков, что позволило, в частности, повысить боеспособность военных, восстановить их здоровье, уменьшить потери и победить при обороне Петропавловска в 1854 г.

Одним из старейших военно-медицинских учреждений России был Кронштадтский госпиталь. Краткий очерк его истории опубликован сотрудниками 442-го Военного клинического госпиталя Минобороны РФ профессором В. В. Лютовым и подполковником медицинской службы М. В. Роскостовым [4]. Кронштадтский госпиталь был основан «в период становления российского Военно-морского флота, его 300-летняя история связана со многими яркими страницами отечественной, особенно военно-морской медицины» [4, с. 79]. В данном госпитале впервые в истории медицины была проведена пункция перикарда, получена противочумная вакцина и применено хлорирование питьевой воды. При нем существовала госпитальная школа по подготовке медицинских кадров для армии и флота, что дало толчок к развитию медицинской

науки. В 1859 г. в Кронштадте было основано Общество морских врачей.

Во второй половине XVIII в. родилось такое направление медицинской работы как военная эпидемиология. Истории развития военной эпидемиологии посвящена статья сотрудников Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова профессора П. И. Огаркова, доцента А. А. Кузина и доцента М. И. Ишкильдина [5]. Рождение эпидемиологии произошло в армии А. В. Суворова, где «зарождался медицинский контроль за питанием и водоснабжением войск, состоянием обмундирования, режимом труда и утомляемостью солдат» [5, с. 55]. Основы военной эпидемиологии заложены в трудах Д. С. Самойловича (1744—1805) и А. Ф. Шаронского (1740—1811). К концу XIX в. военная эпидемиология превратилась в самостоятельную науку: ее преподавали в Военно-медицинской академии, где в 1894 г. была создана кафедра заразных болезней и медицинской бактериологии.

В пореформенное время в Российской империи развивалась земская медицина, целью которой было «обеспечение равной доступности медицинской помощи всему населению страны...» [9, с. 178]. Земская медицина должна была сотрудничать с фабрично-заводской медициной. В соответствии с Постановлением 1866 г. владельцы промышленных предприятий призваны были не только организовывать, но и содержать больницы и лечебницы за свой счет. Управление медицинскими учреждениями в городах было передано думам.

Юридическому обеспечению земской медицины служили должностные правила для медиков. С этой целью разрабатывались и принимались «должностные инструкции для врачей, фельдшеров и повивальных бабок» [9, с. 178]. Работа губернских больниц, психиатрических лечебниц и фельдшерских школ полностью контролировалась губернскими земскими управами. О развитии сельской медицины и больничных учреждениях в уездных городах заботились уездные земские управы.

В 1870-е гг. среди земских медиков приобрела популярность идея приоритета санитарно-профилактической работы, которой посвящена публикация саратовских ученых д. филос. н., профессора А. В. Петрова и канд. ист. наук О. С. Киценко [6]. Эта идея требовала исследования главных факторов заболеваемости и смертности. Так, например, в Саратовской губернии особую роль в организации исследований сыграло создание общегубернского центра, координирующего санитарные мероприятия: Саратовского санитарного бюро и Отделения народного губернского здравия. Земская санитарная статистика позволила обнаружить роль профессиональных, религиозных, культурных и антропологических факторов в распространении определенных заболеваний. Полученные данные продемонстрировали также необходимость социальных преобразований в российской деревне: улучшения благосостояния населения, повышения уровня образования.

В 80-е гг. XIX в. появляется стационарная система земской сельской медицины, суть которой, как пишет

О. С. Третьякова, «заклучалась в следующем: уезды разделялись на несколько медицинских участков, в центральном из них строилась лечебница на 15–20 коек с выделением специальных коек для рожениц, создавалась маленькая амбулатория. Врач ежедневно принимал и лечил больных со всех участков, у него в помощниках были фельдшер, повитуха и няня» [9, с. 178]. К больным врач выезжал по вызову, то есть в России уже тогда «зародился участковый принцип обслуживания сельского населения» [9, с. 178]. Особенности земской медицины было сочетание лечебной и профилактической помощи, а также ее бесплатный характер. О. С. Третьякова отмечает, что бесплатная медицина дорого обходилась земствам: они ежегодно отчисляли из своего бюджета значительные суммы на развитие здравоохранения, например, в 1890 г. был отчислен 21 % от всех бюджетных средств [9, с. 179].

Проблемы состояния и развития медицины в России конца XIX — начала XX вв. освещены также в статье доцента Московского областного филиала Московского университета МВД России в г. Рузе, к.ю.н. И. А. Тарасовой [8]. Автор отмечает, что в результате ряда преобразований в медицинской сфере, в Российской империи конца XIX — начала XX вв. «была окончательно сформирована система государственных органов управления медицинской деятельностью» [8, с. 148]. Свообразным рупором медицинской общественности являлись съезды врачей. В 1892 г. был принят Устав врачебный, а в 1893 г. Устав лечебных заведений гражданского ведомства, которые ограничивали самостоятельность земских учреждений и содержали ряд противоречий, вследствие чего вызвали недовольство медиков. В 1905 г. был издан XIII том Свода законов Российской империи, включавший Устав врачебный в новой редакции.

В Уставе врачебном существовал раздел «Об управлении минеральных вод», который определял основы управления минеральными водами, находящимися в ведении Министерства торговли и промышленности (Кавказскими, Бусскими, Липецкими, Старорусскими, Сергиевскими) и в ведении Военного министерства (Абастуманскими). В Устав был внесен и новый раздел «О больничных заведениях», в котором «определялся порядок управления больницами государственными, земскими и частными» [8, с. 148].

В Уставе было также отражено возникновение и развитие института земских врачей. Учитывая, что земские врачи «в действиях своих должны были руководствоваться инструкциями земских собраний, следует отметить, что они были подчинены врачебному отделению и врачебному инспектору только в порядке надзора», — констатирует И. А. Тарасова [8, с. 149].

Медицинское управление в губерниях осуществляли губернские правления, а врачебное управление по уездам и городам — уездные и городские врачи. К 1911 г. почти все уезды земской России «были разделены на большее или меньшее количество медицинских участков, с лечеб-

ницами в центре, либо там имелись амбулатории, возглавляемые врачами» [8, с. 150]. Увеличилось и количество врачей. Был создан институт санитарных врачей, работавших по заранее разработанным программам. Происходило постепенное сокращение фельдшерских пунктов и открытие врачебных участков. Кроме того, к началу XX в. в Российской империи были основаны многочисленные благотворительные организации: Пироговский съезд врачей, Общество охранения народного здравия, Российское общество Красного Креста и др.

И. А. Тарасова полагает, что «созданная в России система земских медицинских учреждений оставалась весьма далекой от желаемого совершенства, особенно по отдельным губерниям и уездам и тем более — в отдаленных регионах и в «национальных окраинах» гигантской империи. Тем не менее, опыт создания и функционирования земской медицины был уникален, не имел аналогов в мире...» [8, с. 150]. О. С. Третьякова отмечает, что «к началу XX века единой системы охраны здоровья в России не существовало. Охрану общественного здоровья были призваны обеспечивать многочисленные ведомства и учреждения, как общественные, государственные, так и частные, благотворительные. К их числу относились департамент здравоохранения Министерства внутренних дел, Красный Крест, военное ведомство, учреждения фабрично-заводской и земской медицины и др.» [9, с. 179].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о медицинском обеспечении солдат в годы Первой мировой войны. Профессор московского филиала Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, заслуженный работник здравоохранения РФ О. В. Воронков опубликовал по данной проблеме статью [2]. В ней он утверждает, что военное ведомство Российской империи к началу Первой мировой войны подошло «в основном с идеологией организации обеспечения войск медицинским имуществом и структурой органов медицинского снабжения, сохранившихся со времени Русско-японской войны 1904–1905 гг». [2, с. 83]. Это привело к слабому функционированию медицинской службы, нехватке лекарственных средств, хирургических инструментов и другого медицинского имущества. В войсковом районе не хватало баз медицинского снабжения. Однако в годы войны были предприняты экстренные меры, в частности, по созданию аптечных магазинов и полевых аптек, которые позволили улучшить снабжение армии.

Таким образом, преимущественное внимание специалистов уделяется истории военной и земской медицины. В их трудах сказано, что развитие медицины в Российской империи конца XVIII — начала XX вв. проходило по разным направлениям и велось в целом достаточно активно. Однако итоги данного процесса были далеки от желаемых, поскольку многочисленным органам и структурам, занимавшимся организацией медицинского обслуживания в России, не удалось создать единую систему здравоохранения. Военная медицина сталкивалась с трудностями военного времени и пережитками слабого ме-

дицинского обслуживания прошлых годов. Земская медицина была несовершенной, особенно в отдаленных районах империи и на ее национальных окраинах.

Здравоохранение Киевской губернии конца XVIII – первой половины XIX в.

Проблемы развития медицины в Киевской губернии рассматриваются в статье исследовательницы из Переяслав-Хмельницкого государственного педагогического университета им. Г. Сковороды Т.В. Морей [11]. Она анализирует неопубликованные архивные материалы о деятельности различных органов власти в сфере здравоохранения в Киевской губернии после медицинской реформы 1797 г. Автором рассматриваются вопросы об обеспечении больниц необходимыми лекарственными препаратами и материалами, а также об эпидемиологической ситуации и мерах по контролю за уровнем заболеваемости в регионе.

Анализируемые материалы были почерпнуты Т.В. Морей из Центрального государственного исторического архива Украины в Киеве. Особое внимание уделено фондам киевского, подольского и волынского генерал-губернаторов. В источниковую базу исследования входит также «Компендиум для врачей к познанию российских законов, учреждений и государственной службы» (1843 г.).

В статье отмечается, что после реформы 1797 г. в российских губерниях, в том числе в Киевской, были созданы Медицинские советы, отвечавшие за гражданскую и военную медицину. До этого времени проблемами здравоохранения занимались представители местной администрации, а врачи не имели прав на административную деятельность. Губернский Медицинский совет состоял из четырех человек: врача-инспектора, врача-оператора, акушера и одного служащего. Совет координировал действия медицинских работников военных госпиталей. Такое подчиненное положение военных врачей часто приводило к их конфликтам с командованием. В госпиталях не хватало военных врачей, поэтому их места нередко занимали гражданские. С другой стороны, в каждом городе военные врачи «служили в Медицинских советах и других гражданских медицинских учреждениях Министерства внутренних дел» [11, с. 30].

Первая общедоступная больница на Украине, рассчитанная на 50 коек, была основана в Киеве в 1787 г. В 1792 г. в Киеве был открыт первый военный госпиталь. В нем один врач и два фельдшера занимались лечением 100–150 пациентов. В 1803 г. открылась первая соматическая больница для населения Киева на 20 коек. В 1811 г. появился родильный дом на два места, в котором круглосуточно дежурили акушерка и вакцинатор. В провинциальных городах существовали больницы на 20–25 койко-мест, но в действительности их использовали как приюты для бездомных и солдат-инвалидов. Условия работы в медицинских учреждениях были далеки от требуемых. «Осо-

бенно в правобережной Украине больницы содержались в плохих условиях», — пишет Т.В. Морей [11, с. 30].

Снабжение госпиталей провиантом, одеждой, бельем, строительными материалами находилось в ведении Военного министерства. А средства на приобретение собственности выделяло Министерство внутренних дел, которое отвечало также за обеспечение больниц медикаментами. Однако только в 1830-е годы уездные больницы Киевской губернии начали регулярно получать все необходимое. При этом приказ о снабжении местных госпиталей бельем, как видно из архивных материалов, вышел еще в 1812 г.

На рубеже XVIII–XIX вв. общее количество врачей в Российской империи увеличилось с 1500 до 8072. В 1846 г. треть этих докторов работали в армии и флоте. При этом значительная часть данных специалистов служила по части управления медицинскими учреждениями, а прямой помощи больным не оказывала. Некоторые врачи занимались частной практикой. Из этого Т.В. Морей заключает, что «большая часть населения страны не получала надлежащей медицинской помощи» [11, с. 31].

Архивные материалы показывают, что в некоторых госпиталях Киевской губернии не оказывалось существенной помощи пациентам. А граф Адлерберг, направленный с целью инспекции в военные госпитали Киева, Радомышля, Житомира, Бердичева, Летичева и Новгорода Волынского, а также в госпитали, находящиеся в ведении 4-го и 5-го корпусов инфантерии, отметил в своем докладе «недостатки в управлении ими» [11, с. 31].

Улучшить обслуживание пациентов старались указы общественного призрения. В их функции входило выражение мнения населения губерний относительно работы больниц соответствующим государственным органам и информирование последних о необходимом количестве врачей, которые требовались в конкретных местах. Если в 1840-е годы военный госпиталь в Киеве был рассчитан на 82 койки, то госпиталь в Бердичеве — всего на 35 коек, а здание госпиталя было построено «на личные средства князя Радзивилла...» [11, с. 31]. В киевском госпитале лечились до 159 человек одновременно, которых обслуживали двое врачей, один старший ассистент и двое младших ассистентов. Непростая ситуация сложилась в васьильковском госпитале «с 15 койками и 92 пациентами», где работали «один врач и один фельдшер» [11, с. 31].

Киевский Медицинский совет обязал соответствующий приказ общественного призрения информировать его о таких больницах, где количество пациентов вдвое превышает количество коек. А руководство больниц было обязано сообщать приказу число своих пациентов. В архивных материалах зафиксировано, что в 1848 г. количество пациентов больниц Киевской губернии колебалось от 98 до 198 в расчете на одну больницу [11, с. 31].

На основании полученных данных киевский Медицинский совет решил увеличить количество мест в госпиталях Киева, Василькова, Бердичева и Радомышля. Контроль за уровнем заболеваемости в регионе осуществляли уездные врачи. Они же проводили вакцинацию населения и пыта-

лись открывать новые больницы, следили за состоянием домашнего скота. В числе наиболее опасных инфекционных заболеваний в начале XIX в. значилась оспа. Она считалась одной из главных причин смертей детей подросткового возраста. С 1787 г. в городских больницах Киевской губернии начали проводиться регулярные вакцинации населения от оспы, а с 1802 г. стали делать прививки от телячьей оспы. По архивным данным за 1833 год, в Киевской губернии ни разу не был объявлен карантин [11, с. 32].

В архивных материалах за 1841–1842 гг. описывается рацион пациентов больниц Киевской губернии. В него входили, в частности, хлеб, молоко, растительное масло, уксус, мед, вино. Кроме того, пациенты обеспечивались койкой, бельем, посудой и обувью. В документах приводится также стоимость «бумаги, книг, других канцелярских принадлежностей, отопления, освещения в больницах» [11, с. 33].

Т. В. Морей приходит к следующим выводам:

1) В связи с включением киевского Медицинского совета в губернский административный аппарат в нем появились сотрудники с медицинским образованием.

2) В начале XIX в. снабжение больниц региона находилось на низком уровне.

3) Администрация Киевской губернии пыталась исправить сложившуюся ситуацию: «находились подходящие для больниц здания, больницы обеспечивались бельем, была введена униформа для пациентов, увеличилось число медицинских работников, особенно в тех больницах, где количество пациентов вдвое превышало норму» [11, с. 33].

Земская медицина Вятской и Пермской губерний конца XIX – начала XX вв.

Развитие здравоохранения в контексте деятельности земств в Пермской и Вятской губерниях в конце XIX — начале XX вв. рассматривается в статье доцента Пермского филиала РАНХиГС, д-ра ист. наук Т. Шестовой [12]. Статья написана на основе большого массива неопубликованных материалов из Государственного архива Свердловской области, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Пермского края, Государственного архива Оренбургской области, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Государственного архива Кировской области.

На рубеже XIX–XX вв. изменилось направление деятельности земств — от противоэпидемической работы до постоянных контактов с населением. Земства, учрежденные на территории Пермской и Вятской губерний, относились к самым большим земствам Российской империи, «проводившим долговременную политику по созданию системы медицинского обслуживания населения» [12, с. 24].

В первой половине XIX в. Пермская губерния была ведущим регионом России, в котором развивалась заводская

медицина. После отмены крепостного права многие из заводских больниц были переданы их владельцами земствам. Изменился и кадровый состав уральских врачей: исчезло большое количество лекарских учеников, а бывшие крепостные медики держали экзамены на должность врача за пределами Урала. «Лекарских учеников заменили фельдшера, а в 1880-е годы здесь появился институт сестер милосердия», — констатирует Т. Шестова [12, с. 26].

Городская и земская реформы свидетельствовали о развитии местного самоуправления и его ориентации на более широкие слои населения, ранее почти не охваченные врачами: крестьян, женщин, детей. Более того, многие уроженцы Урала «стали получать образование за счет целевых стипендий в местных фельдшерских школах» [12, с. 26].

В системе управления здравоохранением главным органом была Врачебная управа, переименованная в отделение во второй половине XIX в. Много обязанностей имел и земский врач. Он «занимался наймом и увольнением персонала, заведовал участком, осуществлял контроль над работой фельдшеров и повитух, присутствовал на совещаниях управы, подготавливал все виды отчетности и составлял медико-топографические описания» [12, с. 27].

В аптеках существовала довольно разветвленная кадровая структура, включавшая аптекарей, аптекарских помощников, аптекарских учеников, материалистов и лаборантов для приготовления лекарств. Развивалась фармацевтика. К концу XIX в. фармацевты должны были работать во Врачебном отделении, а провизоры служили собственно в аптеках. Т. Шестова отмечает, что в отчетах губернаторов эти термины иногда менялись местами, «но всегда фармацевты противопоставлялись провизорам» [12, с. 27].

В начале XX в. с подачи земств при больницах организовывались библиотеки. Более доступной стала медицинская периодика. Огромное значение для пермских врачей имела специализированная Медицинская библиотека в Казани. Научные командировки медиков в университетские города, «инициируемые земством, позволяли им ознакомиться с новинками литературы» [12, с. 27].

В начале XX в. в Пермской и Вятской губерниях в земской политике большое внимание уделялось подготовке женщин-врачей. В 1897 г. в Санкт-Петербурге был открыт Женский медицинский институт, в котором готовили женщин-медиков как резерв для работы с крестьянами и женщинами в национальных регионах по причине того, что женщины часто стеснялись обращаться за помощью к врачам-мужчинам. Местные органы власти полагали также, что доктора женского пола будут выполнять обязанности акушеров и медсестер, участвовать в создании яслей. Т. Шестова подчеркивает, что «в губерниях центральной России ясли создавались для улучшения быта женщин-работниц, в то время как в других губерниях страны при создании яслей ориентировались на крестьянок» [12, с. 28].

До конца XIX в. перед земствами стояла задача борьбы с «фельдшеризмом» на селе, где врачей целенаправленно заменяли на фельдшеров. На врачей возлагалась только противоэпидемическая работа. В результате пациентов с тяжелыми заболеваниями направляли на лечение в города. Профессиональные врачи приезжали консультировать фельдшеров несколько раз в месяц. Т. Шестова полагает, что причина «фельдшеризма» заключалась в «финансовой политике земства» [12, с. 29]. Только в начале XX в. фельдшерские пункты по возможности стали заменяться на врачебные, а отношения между врачами и фельдшерами улучшились.

Земства активно вмешивались в медицинские дела во время военных действий и революций. Так, в годы русско-японской войны Пермское земство предложило сохранить рабочие места за мобилизованными врачами. Во время Первой мировой войны оно потребовало от правительства возвращения в губернию гражданских врачей. В 1917 г. Пермским земством было направлено обращение к Временному правительству о возвращении «из плена всего медицинского персонала, как лиц, принадлежащих к составу Красного Креста по постановлению Жевневской конференции» [12, с. 30].

К 1915 г. врачебный контингент Пермской губернии в два раза превышал численность аналогичной службы Вятской губернии. Причина такого различия, полагает Т. Шестова, заключалась в системе подготовки кадров, в частности, в том, что «с самого начала существования Пермского губернского земства действовала стипендиальная подготовка врачей» [12, с. 30]. Кроме того, новшеством Пермской губернии было введение экстерната. Уездным врачам «предоставлялась возможность получить узкую специализацию через губернскую больницу, а губернская больница получала медика-ординатора с минимальной зарплатой» [12, с. 31].

Общей площадкой для встреч врачей и обсуждения медицинских проблем становились съезды. Однако в Пермской и Вятской губерниях первый опыт съездов врачей был негативным. Врачи И. И. Моллесон и В. О. Португалов, на которых возлагалась подготовка съездов, были

арестованы и лишены работы из-за народнических взглядов. Кроме того, земства часто принимали решения, сомнительные с точки зрения правительства. Во время революции 1905 г. из Пермской губернии выслали 13 членов уездных комитетов, а председатель губернского земства Л. В. Юмашев был арестован.

В целом съезды врачей носили совещательный характер. Как пишет Т. Шестова, основной их задачей «становилось обсуждение расширения медицинской помощи» [12, с. 33]. Присутствие на них деятелей земства без медицинского образования, но обладающих навыками финансовых расчетов, «способствовало более реалистичному взгляду на проблемы» [12, с. 33].

Заработная плата врачей в Вятском губернском земстве в начале XX в. была на 300 р. ниже, чем в Пермском. Повышенные суммы выплачивались только психиатрам и медикам, совмещавшим работу в больнице с преподаванием в губернской фельдшерской школе. Уездные врачи «такой подработки иметь не могли, что вызывало нарекания с их стороны» [12, с. 35].

В начале XX столетия в обеих губерниях установилась участковая система обслуживания населения. Частной практики такая система не предусматривала. Полноценные выходные дни медики получили только после 1905 г. А сокращенный рабочий день в шесть часов был установлен к 1917 г. [12, с. 36].

Т. Шестова приходит к выводу о том, что «великие реформы» породили земскую и городскую медицину. Земская медицина сконцентрировалась на крестьянском населении, а городская — на санитарных условиях жизни в городе. В Вятской губернии были хорошо налажены связи между губернскими и уездными земствами. В Пермской губернии эти связи были менее значимы и сводились к финансированию противоэпидемической работы. Обе губернии прошли стадии «фельдшеризма» и перешли к стационарной системе обслуживания населения. В ходе этого эксперимента родилась «участковая система обслуживания населения, когда врач работал с жителями любого материального достатка вне частной практики, получая заработную плату от земства» [12, с. 38].

Литература:

1. Будко А. А. История медицины Санкт-Петербурга XIX — начала XX в. — СПб., 2010. — 400 с.
2. Воронков О. В. Организация обеспечения русской армии медицинским имуществом в ходе Первой мировой войны // Военно-медицинский журнал. — М., 2017. — Т. 338, №2. — С. 83–89.
3. Князькина Т. А. Первые военные госпитали на Дальнем Востоке России (конец XVIII — середина XIX в.) // Военно-медицинский журнал. — М., 2017. — Т. 338, №7. — С. 64–69.
4. Лютов В. В., Роскостов М. В. Кронштадтскому военно-морскому госпиталю — 300 лет // Военно-медицинский журнал. — М., 2017. — Т. 338, №6. — С. 79–83.
5. Огарков П. И., Кузин А. А., Ишкильдин М. И. Военная эпидемиология в прошлом и настоящем // Военно-медицинский журнал. — М., 2017. — Т. 338, №6. — С. 55–63.
6. Петров А. В., Киценко О. С. Земская санитарная статистика в конце XIX — начале XX в. (на материалах Саратовской губернии) // История науки и техники. — М., 2017. — №6. — С. 88–99.
7. Пищита А. Н., Гончаров Н. Г. Эволюция правового регулирования здравоохранения в России. Историко-правовые аспекты. — М., 2007. — 76 с.

8. Тарасова И. А. К вопросу о состоянии и развитии медицины и ветеринарии в Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Евразийское научное объединение. — М., 2017. — №4, Т. 2. — С. 148—153.
9. Третьякова О. С. Здравоохранение России и его правовое регулирование: от монастырской медицины до создания государственной системы здравоохранения // Таврический медико-биологический вестник. — Симферополь, 2017. — Т. 20, №2. — С. 172—180.
10. Henze C. E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823—1914. — L., 2011. — 227 p.
11. Morei T. V. Archival Materials about the Situation of Medical Institutions in the Kiev Province at the end of the XVIII — first half of the XIX century // European Journal of Social and Human Sciences. — Banská Bystrica, 2017. — №4. — P. 29—34.
12. Shestova T. The development of health in Perm and Vyatka provinces (guberniyas) at the end of 19th — early 20th centuries // Historia provinciae — The Journal of Regional history. — Череповец, 2017. — Vol. 1, N. 1. — P. 24—41.

А. А. Фет и А. Н. Энгельгардт: два взгляда на рациональное хозяйство

Бакарягин Степан Сергеевич, магистрант

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

Изменения в жизни российского общества, вызванные Великими реформами, обозначили необходимость адаптации к новым условиям. Не стало исключением и помещичье землевладение, бывшее важной составляющей аграрной системы страны. Успешное вовлечение помещиков в круговорот пореформенной действительности подразумевало не только смену принципов ведения хозяйства, но и формирование нового типа мышления, соразмерного запросам времени.

Немалое число дворян-землевладельцев с большой надеждой, а подчас и уверенностью, смотрели в будущее, уповая на внедрение рационального хозяйства в своем имении. Для того времени понятие «рациональное хозяйство» зачастую связывалось со следующими параметрами: наличие специального сельскохозяйственного инвентаря, замена трехполья на многополье с посевом трав, выращивание породистого скота и употребление искусственных удобрений [2, с. 388]. Между тем, воплощение данных компонентов в реальных условиях столкнулось с массой затруднений и зачастую не приносило помещикам ожидаемого эффекта. В отношении таких хозяев А. Н. Энгельгардт высказывался как о людях, «которые разоряются по агрономии» [5, с. 55]. Было бы не совсем справедливо упрекать их в этом, поскольку они «понимали необходимость в изменении хозяйственного строя», но не знали, к каким средствам стоило обратиться в достижении обозначенной цели [3, с. 44].

В данной статье мы берем во внимание опыт двух хозяев, сумевших поставить свои имения на рельсы рационального землепользования. Каждый из них руководствовался своими идейными установками, однако и эти различия, пожалуй, не станут помехой в выделении общих аспектов практического опыта А. А. Фета и А. Н. Энгельгардта.

Оба землевладения относились к числу среднепоместных. А. А. Фет летом 1860 г. приобрел хутор Степа-

новку, расположенный в Мценском уезде Орловской губернии и составлявший 200 десятин черноземной земли с маленьким недостроенным домом [4, с. 5]. Хозяйственная деятельность А. Н. Энгельгардта началась с 1871 г. в селе Батищево Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Имение Александра Николаевича несколько превышало фетовское и насчитывало 450 десятин удобной земли [5, с. 434].

Один — поэт-лирик, доселе не занимавшийся сельским хозяйством и решивший «на малом пространстве сделать что-либо действительно дельное» [4, с. 7]. Другой — ученый-химик, который обладал великолепным багажом теоретических знаний в вопросах агрономического свойства.

Приступив к занятию сельским хозяйством, А. А. Фет и А. Н. Энгельгардт обнаружили для себя наличие следующих задач: устройство вольнонаемного труда взамен крепостного и необходимость создания хозяйства, приносящего выгоду. При таком подходе закупка современного сельскохозяйственного инвентаря, приобретение ценных пород скота и посевы культур были не самоцелью, как у некоторых их современников, а работали исключительно на решение поставленных задач.

Однако, оба хозяина имели различные, а отчасти даже противоположные точки зрения на формы вольного труда. В связи с этим постараемся представить их взгляды, касающиеся данного вопроса. Так, по мнению А. А. Фета, создание вольнонаемного труда было невозможно без четкой законодательной регуляции всех хозяйственных мелочей, составляющих его основу (например, прием крестьянина на работу, штрафы и взыскания за потрапы и невыполнение рабочего договора) [4, с. 43].

Неоднократно сталкиваясь с отсутствием дисциплины у рабочих при исполнении договора, А. А. Фет недоумевал, может ли такой порядок дела называться вольнонаемным трудом? Он, в частности, подразумевал под таковым ситуацию, когда «рабочий напрягает свои силы чисто и един-

ственно для себя, это и есть идеал вольного труда, идеал естественного отношения человека к труду» [4, с. 74].

А. Н. Энгельгардт, питающий народнические воззрения, был более оптимистично настроен в установлении взаимоотношений с крестьянами. Хороший хозяин, в его понимании, тот, кто сумел для начала перестроить если не все хозяйство, то хотя бы привычный уклад своей жизни. Для этого, говорил он: «По-деревенски только все делайте, а не по-петербургски» [5, с. 65–66]. На взгляд А. Н. Энгельгардта, успешность дела зависела не только от видения собственной выгоды, но и от понимания выгоды для вольнонаемного работника.

Помещик категорически не соглашался с публицистами своего времени, которые говорили о мужике как неприменном пьянице, лентяе и пройдохе. «Я не стану доказывать, что мужик представляет идеал честности, но не нахожу, чтобы он был хуже нас, образованных людей» [5, с. 105]. Кроме того, знаток народной психологии указывал на объективный, природно-географический фактор, влияющий на особенности полевых работ. Из-за их короткой продолжительности русский крестьянин вынужден работать очень быстро, порывисто. Вследствие этого, заключал А. Н. Энгельгардт, едва ли можно ожидать от нашего работника равномерной работы в течение года [5, с. 107].

Трудности у хозяев возникали уже при приеме крестьянина на работу. А. А. Фет признавал, что был вынужден «нанимать рабочего годового заблаговременно и давать ему большой задаток» [4, с. 80]. Кроме того, в неурожайные годы создавалась ситуация, когда хлеб у крестьянина заканчивался к зиме, и ему приходилось брать зерно или деньги с обязательством отработки весной или летом порой сразу у нескольких людей. Понятно, что с началом полевых работ крестьянин не мог успеть одновременно обработать свой надел и владения тех хозяев, к которым он подрядился зимой. А. Н. Энгельгардт писал о большей выгоде для крестьянина занять деньги, даже под большой процент, нежели «обязаться отрабатывать взятые деньги, хотя бы даже по высокой цене за работу» [5, с. 84].

Как мы видим, крестьяне зачастую лишь в моменты крайней нужды подписывались на отработки и, наверняка, их посещали сомнения в реальном исполнении своих обязательств. Были и такие, кто в силу личных качеств, а не давления внешних обстоятельств проявлял нерадение к труду. Так или иначе, но неисполнение договора могло привести к штрафу и судебным тяжбам между нанимателем и работником. А. А. Фет весьма эмоционально описывал проблему при взыскании штрафа с незадачливого работника Семена, а потому приветствовал принятие летом 1862 г. «Временных правил для найма сельских рабочих и служителей». В выражение «не бей дубиной, а бей полтиной» он вкладывал скорее воспитательный смысл, надеясь, что крестьяне, расставшись со своими кровными, в следующий раз будут ответственной исполнять обязательства по договору [4, с. 131].

А. Н. Энгельгардт, напротив, был сторонником полюбовного разрешения противоречий, возникших между

помещиком и крестьянином. Он подчеркивал эту мысль в формулировке, что «надо проявить себя хозяином» [5, с. 72]. Также, в отличие от А. А. Фета, А. Н. Энгельгардт не видел серьезного ущерба для своих земель в случае их преднамеренной или случайной потравы крестьянскими лошадьми.

Относительное единство обоих помещиков замечается в их отношении к миссии дворянина в деревне, на культурном начале, которое «может привнести дворянство на народную почву при условии взаимодействия» [1, с. 51–53]. В то же время А. А. Фет весьма категорично высказался в адрес сторонников широкого народного образования и сравнил их с теми, «кто дает путнику селедку в безводной степи, предлагая воду поискать самому» [4, с. 196]. Он решил, что лучшим к тому моменту народным воспитателем является священник, «пока не появятся специальные педагоги, воспитанные в духе христианского смирения и любви» [4, с. 198]. А. Н. Энгельгардт в этом плане призывал интеллигентных людей, желающих заняться сельским хозяйством, научиться работать, «по-мужицки работать, да еще в мужицкой шкуре» [5, с. 340]. В свою очередь и интеллигенция должна передавать знания в народные массы. Для примера помещик обратился к собственной практике и отметил, что его опыт по посеву льна и клевера, улучшению скота, введению плужков и железных борон был успешно воспринят крестьянскими хозяйствами [5, с. 397].

Но, пожалуй, наибольшее сходство «рациональных хозяев» прослеживается в их подходах к обработке земли. Так, имеющиеся в Степановке 160 десятин пашни были разделены на 4 поля: одно из них было на время заброшено, а остальные части использовались по старой трехпольной системе [4, с. 153–155]. А. А. Фет придерживался экстенсивной манеры хозяйствования, объясняя это урожайным преимуществом даже 1 десятины нови перед 2 десятинами навозной земли. Более того, при дороговизне навоза такой вариант приносил еще и выгоду хозяину [4, с. 147–152].

В имении А. Н. Энгельгардта, насчитывавшем 450 десятин земли, к началу 1880-х гг. приблизительно 1/7 часть (66 десятин) была предназначена под пашню. На этом пространстве велась система попеременного хозяйства, которая заключалась в следующем: мягкая земля засеивалась клевером или тимофеевкой на 6 лет, пока в ней не накапливалось достаточное количество азотистых веществ, после этого здесь производился посев льна или овса, затем следовала рожь, а далее — процесс повторялся вновь по кругу [5, с. 434, 475].

А. Н. Энгельгардт, так же как и А. А. Фет, выступил противником интенсивной системы хозяйства, поскольку считал неуместной ситуацию, когда маленький участок земли будет интенсивно обрабатываться на фоне необозримых пустующих пространств. В Батищево площадь запашки расширялась сначала за счет земель, запущенных после «Положения» прежними владельцами, затем — стали распахиваться пустоши [5, с. 437, 427]. А. Н. Энгельгардт считал, что машинам и орудиям придается слишком

большое значение для хозяйства. Согласно его иерархии, на 1-м месте стоял хозяин, на 2-м — работник, на 3-м — лошадь, и только на 4-е место им были отнесены орудия и машины [5, с. 119].

Таким образом, изучив взгляды двух успешных хозяев и их подходы к землепользованию и устройству вольнонаемного труда мы можем сказать, что опыт А.А. Фета и А.Н. Энгельгардта в немалой степени шел вразрез с устоявшимися в обществе того времени представлениями о рациональном хозяйстве. Развитие хозяйства было возможно, если владелец имения верно определял свои возможности и исходил из реальных условий, в которых он находился, а не руководствовался сведениями, полученными из «Земледельческой газеты» и подобных ей источников. При рассмотрении отдельно взятых успешных имений оказалось, что интенсивная система земледелия не давала той выгоды, какая ей приписывалась, а значит и не могла рассчитывать на право называться рациональной.

Литература:

1. Набялэк, О. Э. «Лирическое хозяйство» Афанасия Фета / О. Э. Набялэк // Родина. — 2014. — № 12.
2. Советова, А. В. Рациональное хозяйство / А. В. Советова // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — СПб.: АО «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1899. — Т. 26.
3. Терпигорев, С. Н. Оскудение. «Благородные». Т. 1. — Отцы. Изд-е 2-е / С. Н. Терпигорев. — М. — СПб.: Изд-е М. О. Вольфа, 1882.
4. Фет, А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство / А. А. Фет. — М.: Новое литературное обозрение, 2001.
5. Энгельгардт, А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872—1887 / А. Н. Энгельгардт. — М.: Гос. изд-во сельскохозяйственной литературы, 1956.

Мемуары Е.К. Лигачева как источник изучения идентичности автора

Гусев Константин Дмитриевич, магистрант
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

На основе произведения мемуарного жанра «Загадка Горбачева» рассматривается идентичность его автора — секретаря ЦК КПСС Е.К. Лигачева. Изложен сопоставительный анализ ключевых моментов периода Перестройки и представлений о них Е.К. Лигачева. На фоне объективных исторических реалий, при подключении субъективной позиции Е.К. Лигачева, даются новые трактовки деятельности знаковых исторических персон 1985—1991 гг.

Ключевые слова: идентичность, мемуары, перестройка, Горбачев, Яковлев, кризис, борьба.

Идентичность — социально-культурное состояние человека, зависящее от исполняемых им в обществе ролей. Поскольку ролей много и им свойственно эволюционировать, идентичность человека подвержена изменениям. Анализ мемуарных источников является наиболее продуктивным путем для выявления идентичности автора. При работе стоит учитывать довольно высокую степень ненадежности мемуаров, так как каждый автор пытается создать собственный положительный образ, существенно искажая действительность. Однако здесь можно обнаружить скрытую зашифрованную информацию, позволя-

ющую более широко и точно охарактеризовать идентичность автора.

Применение удобрений на использованных ранее землях также не выдерживало конкуренции с землей, впервые введенной в севооборот. Использование современных сельскохозяйственных орудий и машин не имело того значения, какое им приписывалось. Напомним, что А. Н. Энгельгардт ставил этот фактор на самое последнее место в системе элементов успешного хозяйства, а скептическое отношение А. А. Фета к машинам сформировалось из-за сложностей их обслуживания в деревенских условиях.

Несмотря на примеры удачного ведения хозяйства, над дворянским землевладением сгущались тучи. А. Н. Энгельгардт с полной уверенностью заявлял о скором исчезновении помещичьих хозяйств, как не имеющих будущего. Даже А. А. Фет, долгое время ратовавший за сохранение и развитие помещичьего хозяйства, в 1877 г. продал Степановку и приобрел новое имение в Курской губернии — Воробьевку, где опыт по созданию «лирических основ землепользования» им уже не внедрялся.

Заинтересованность темой обусловлена парадоксом: не очень удачный политический деятель крайне неудачного политического периода получил довольно высокую оценку от современников и в историографии. В. Коротич, идейный оппонент Лигачева, говорил о нём так: «В характере Лигачёва не было подлости, он говорил, что думал. Он не был человеком для тайного заговора и переворота, а хотел открыто перетянуть на свою сторону большинство в Политбюро и ЦК» [13]. Американский историк и сове-

толог Стив Соткин признает Лигачева одним из эффективнейших региональных управленцев в истории Сибири. Даже сам Горбачев давал следующую оценку: «Мне нравились его энергия, напористость. Работая в ЦК, я поддерживал с Лигачевым как секретарем Томского обкома постоянный контакт, видел его искреннее стремление больше сделать для своей области» [2]. Негативные оценки авторов увязываются прежде всего с «антиалкогольной программой», инициированной Е. К. Лигачевым.

Произведение мемуарного жанра «Загадка Горбачева» готовилось в 1990–1991 годах, когда автор стал оппозиционной силой и де-факто был выключен из большой политики, хоть и занимал по-прежнему должность в ЦК. Признавая в разной степени свою вину за партийные ошибки, Лигачев дает подробную характеристику перестроечных процессов. Его цель — понять произошедшее, чтобы не допустить усугубление дальнейшего кризиса: «... с уходом Горбачева наша переломная эпоха еще не завершилась. Впереди ждет нас еще много событий, исход которых будет зависеть от того, насколько полно народ разберется в сути происшедшего и происходящего» [5, с. 5]. Книга содержит восемь глав, с разных сторон освещающих политику перестройки.

Особенность книги заключается в том, что она написана по свежим следам, «многое перевернулось, но еще не улеглось». Мемуары, похожие на своеобразное расследование, построены на многочисленных фактах и впервые опубликованных документах (личная переписка с Горбачевым, Рыжковым), на материалах СМИ и личных разговорах. Ярko проявляется желание автора исправить собственные ошибки публикацией воспоминаний: «...я не претендую на истину в последней инстанции... сейчас другие времена, все мы, я в том числе, изменились. И считаю своей серьезной ошибкой в первую очередь именно то, что еще в 1989–1990 годах не обратился прямо к партии, народу...» [5, с. 4]. Автор «...вовсе не намерен выступать в роли судьи: истинным судьей является история. Но мой взгляд на события, факты, известные мне, помогут потомкам восстановить истину в полном объеме» [5, с. 266]. При анализе стоит учитывать личные отношения Лигачева с конкретными людьми, многие в его толковании показаны только в негативном ключе (Яковлев, Шеварнадзе), на них возложена вина за неудачу Перестройки. Трендом работы можно назвать признание за собой «вины частично», что как бы снимает с автора ответственность, перекладывает всю ее полноту на других. Сам Лигачев так обосновывает написание воспоминаний: «... в 1989–1990 годах страна резко сползла во всеохватывающий кризис, внутривластная ситуация стала угрожающей. Как человек, до июля 1990 года находившийся в ядре высшего партийного руководства, я глубоко понимаю, что же именно произошло. И в этой книге есть ответы на многие вопросы, остро поставленные сейчас временем. Мною движет не тщеславие мемуариста. В меру своих возможностей я хочу помочь своей стране сегодня, сейчас и на основе фактов, доступных члену По-

литбюро, делаю свой анализ происшедшего» [5, с. 209]. Скорее всего, именно это и было первопричиной написания мемуаров — искреннее желание помочь стране, ведь в дальнейшем, в отличие от Горбачева, Лигачев не выпускал капитальных воспоминаний, пытаясь всяческим образом сгладить острые углы спорных исторических событий.

Книга была опубликована в 1992 г. в Новосибирске в весьма тяжелых условиях, когда типографский набор пытались уничтожить. Несмотря на относительно большой тираж в 50000 экземпляров, книга не получила широкого распространения в связи с возможными реквизициями. Мемуары до сих пор не получили должной оценки историков.

Егор Кузьмич Лигачёв родился в крестьянской семье деревни Дубинки Новосибирской области в 1920 г. После окончания средней школы начал работать на авиационном заводе. Сразу заявил о себе как о трудолюбивом и целеустремленном человеке, эти личные качества помогли ему поступить в Московский авиационный институт и с успехом его окончить. Исходя из принципа «где родился, там и пригодился», он возвращается в Новосибирск, работает на том же заводе инженером и вскоре начинает общественную деятельность. За 5 лет он становится секретарем Новосибирского обкома ВЛКСМ, а также получает второе высшее образование в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). В это время формируется идентичность верного коммунистическим идеалам политработника. Исполнительный и инициативный, он делает блестящую партийную карьеру, а перевес реально выполненной продуктивной работы над политическими амбициями говорит о профессионализме Егора Кузьмича. В последние годы правления Н. С. Хрущева он работает в Москве заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР. Замеченный за заслуги и назначенный в столицу без собственного желания, Лигачев после октябрьского пленума 1964 г., будучи выдвиженцем Хрущева, настоятельно требует своего возвращения в Сибирь. Таким образом, идентичность Егора Кузьмича за время столичной работы не менялась. В Томске за 17 лет он поднял на ноги запущенную область, уверовал в личные силы и возможности успешно созидать и быть полезным: «Это был период душевного подъема. Если бы я больше нигде не работал, то все равно имел бы все основания считать свою жизнь удавшейся, а себя счастливым человеком» [5, с. 12–13]. В 1983 г. Лигачев, успешный управленец, вновь оказался нужен в Москве. Андропов публично обозначил свой интерес к личности Лигачева 18 января 1983 г. Переезд в столицу привел к кризису идентичности Лигачева. Чувствуя личное доверие Андропова, он становится политической фигурой высшего разряда. Понимая недостатки системы, Лигачев осознает миссию пути совершенствования власти и общества, уделяя себе в этом процессе одно из центральных мест наравне с Горбачевым.

Лигачев оставался твердым приверженцем уже апробированной в Томской области стратегии: сначала навести

порядок в том, что имеем, и лишь затем эволюционно двигаться по пути реформ, ни в коем случае не допуская снижения жизненного уровня народа. Стоит отметить, что, работая в центре, Лигачев был не так успешен, как в Томской области — зачастую на выходе получал результат обратный тому, на который рассчитывал на входе. Советский партийный деятель Ю. А. Прокофьев писал: «Я знаю, по крайней мере, три »ходячие ошибки« Лигачева: Ельцина — его выдвигенца, Травкина он предложил и Коротича в »Огонёк« посадил. Вот почему я отношусь к Егору Кузьмичу неоднозначно». Традиционно Лигачев признает собственные ошибки наполовину: «В общем, Коротича, я готов, как говорится, записать себе в вину, во всяком случае, отчасти. Но что касается остальных радикальных редакторов, то всех их »пробивал« Александр Николаевич (Яковлев)» [5, с. 81].

На протяжении повествования автор ищет ответ на вопрос — почему Перестройка, задуманная как благо и имевшая на первых порах успех, с 1988 г. радикально сменила курс и привела к геополитической катастрофе. Одну из причин он видит в том, что, благодаря первым успешным перестроечным годам, на общественную арену смогли выйти антикоммунистические силы. Боль от политического поражения ясно высвечивается на страницах мемуаров, «антиперестроечные силы» предстают в виде «зла», чуть ли не в религиозном понимании этого слова. Автор сам пишет: «Сюжет поистине евангельский, ново-заветный» [5, с. 68]. Так, постепенно, после апрельского пленума 1985 года, от Генерального секретаря начали отдаляться люди, хорошо знающие практическую жизнь, его окружили «кабинетные академики», случайно или специально вносящие деструктивные действия. Из команды Горбачева начали выходить симпатизирующие Лигачеву люди, а их места заняли идейные оппоненты автора. Наиболее ярко прослеживается антагонизм между Лигачевым и Яковлевым, который стал правой рукой Генерального секретаря. Именно на последнем, по мнению Лигачева, лежит вина за разворот курса. Яковлев, создавший ярый радикализм в прессе, устроивший в ней кампанию против Лигачева, умело продвигался по карьерной лестнице, расшатывая советские устои. Впоследствии сам Яковлев, бывший в 70-е гг. ярым коммунистом, признал свои действия антисоветскими, считая их, тем не менее, благом: «Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала...» [15]. Становится понятно, почему коммунист Лигачев видит в антикоммунисте Яковлеве одну из причин краха СССР: «Именно Яковлев, сумевший окружить Горбачева своими людьми, незримо, закулисно стоял за многими неожиданными поворотами и зигзагами политики последних лет. Именно он в роли предводителя праворадикальной прессы, пытался мани-

пулировать общественным сознанием» [5, с. 95]. С другой стороны, вряд ли от одного человека (тем более — не руководителя страны) может исходить угроза развала огромного государства.

Конечно, одной из причин провала курса реформ Лигачев считает удаление собственной фигуры от Горбачева: «На деле то получилось, что стремление убавить влияние Лигачева обернулось очень негативными последствиями для всей КПСС» [5, с. 92]. Это произошло вследствие активной агитационной травли в СМИ: «Именно радикальные СМИ стали поначалу тайным, а затем и явным оружием Яковлева в борьбе за власть... Именно с их помощью он направлял общественное мнение против своих оппонентов» [5, с. 89].

После публикации письма Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», имя Лигачева стало ассоциироваться с ретроградством. Запущенная информация о заказном характере статьи не подтвердилась, но эффект негативизма по отношению к Лигачеву остался. Е. К. Лигачев в коллективном сознании превратился в сталиниста, главного врага Перестройки. Эффект усугубило Тбилисское дело, во время которого следователь Гдлян на телевидении безосновательно заявил о причастности Лигачева к кровавому подавлению митинга в Тбилиси. Впоследствии информацию опровергли, но к тому моменту Лигачев фактически остался без доверия как со стороны власти, так и народа.

Лигачев, будучи подлинным адептом социалистических идей, очень больно воспринимал происходящее: «... мне не могло в самом худом сне присниться, что отстаивать, защищать придется не только уже концепцию перестройки, принятую в 1985 году, но самое святое — социализм. Советскую власть, Компартию. Ибо на этих главных направлениях вскоре и повели атаку правые радикалы, лжедемократы» [5, с. 92]. Тогда и случился третий кризис идентичности — всегда существовавший в идеологических рамках советского общества, Лигачев начал терять уходящую из-под ног почву. Проиграв политическую борьбу, он осознал, что Перестройка пошла по пути ликвидации советской системы. Перестав идентифицировать себя как реального влиятельного политического деятеля, его сознание категорически отказалось воспринимать новые идейные веяния. На заложенной в 1988 г. почве, в 1990-е гг. произошел своеобразный откат, идеи советского социализма, даже крайнего — сталинизма, начали восприниматься Лигачевым как некий ориентир для дальнейшего развития России.

Лигачев много размышляет о методах борьбы антисоветских сил. Главный из них — отведение взгляда от реальных проблем. Приводя многочисленные послания из республик о росте национал-сепаратизма, он раскрывает позиции многих партийных деятелей, хотевших успокоить страну. С другой стороны, Лигачев выбирает очень удобную позицию сторонней критики, ведь сам он не смог донести до общества необходимый посыл о настоящей угрозе. Лишь увидев последствия реализации курса, он

совершенно верно констатирует: «Были сдвинуты политические акценты, главной опасностью для перестройки был объявлен консерватизм, а антикоммунизму, сепаратизму и национализму была открыта широкая дорога. Снова хочу повторить: если бы в 1987–88 годах была верно определена главная опасность перестройки — нарастающий сепаратизм и национализм, стране удалось бы избежать кровавых конфликтов и потрясений» [5, с. 134]. Все верно. Однако можно сколько угодно говорить правильные вещи, можно их говорить даже своевременно, но если с ними не ознакомится большое количество людей, необходимого эффекта не будет. Лигачев ограничивался разговорами с Горбачевым, пророческой запиской в его адрес, но последний, что называется, клал все под сукно. Эта записка от 28.05.1990 в действительности содержит предостережение о грядущих бедах: «Многие коммунисты, трудящиеся требуют от ЦК КПСС реальной оценки политической обстановки, принятия эффективных мер, так как наше социалистическое Отечество в опасности. Это же факт, что в СССР действуют силы против социализма. Они скоординированы, имеют внешние связи. Сейчас главное — спасение СССР как целостного государства. Вокруг этого КПСС и должна объединить рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию, всех, кому дорог наш социалистический Союз...» [5, с. 245]. Но Лигачев вовремя не вынес свои вполне справедливые мысли на общественное обсуждение, не извлек из них нужной для общества практической пользы.

Перестройка затронула все сферы жизни советского общества, в том числе и экономическую. На момент написания книги приватизация еще не началась, поэтому весьма интересными выглядят прогнозы-размышления Лигачева по этому поводу: «Преобразование государственной собственности должно идти только по линии передачи предприятий в руки трудящихся коллективов. Нельзя допустить растаскивания общественной собственности, созданной трудом всех поколений советских людей, присвоения ее дельцам, спекулянтам» [5, с. 273]. Пройдет совсем немного времени, и «Семибанкирщина» не только овладеет значительной частью собственности, но и фактически поставит государство под свое искусственное управление. Как видим, Лигачев весьма объективно анализирует происходящие процессы. Недаром многие прогнозы сбылись. При этом огромный шквал критики из прессы в сторону несовершенства командно-административной системы экономики не оправдался. Высшее руководство пошло и на поводу у Запада, получившего свои достаточно нескромные дивиденды. Не помощь, а стремление обогатиться руководило иностранными бизнесменами. Так, после одной из встреч, американский бизнесмен заявил: «... он ни одного доллара не даст ни господину Лигачеву, ни Президенту Горбачеву до тех пор пока в СССР не будет частной собственности. Как видно, ларчик просто открывался: хочешь получать займы, меняй общественный строй. Но это, несомненно, ошибочный, политизированный подход». С этим нельзя не согласиться.

Снизив радикальным образом госказ под занавес 1987 г. где на треть, а где и на половину, власть обрекла народ на развал экономики. Лигачев так оценивает эти события: «А между тем именно в тот критический момент и решилась судьба страны: именно тогда было неотвратимо предопределено ухудшение экономической ситуации, неизбежным стало расстройство финансов и, наконец, сползание в глубокий кризис. С полным правом можно говорить о том, что сегодняшнее бедственное положение стало следствием ошибочного решения...» [5, с. 294]. Именно тотальный кризис экономики во многом предопределил дальнейший развал СССР.

Оценивая роль виновников произошедшего, Лигачев вновь признает за собой лишь часть вины. Но ведь возможно, если бы он тогда вынес не устраивавший его экономический проект на общественное обсуждение, этого бы не случилось. Тем не менее, он этого не сделал: «Сколько раз потом горько корил себя за то, что не поставил вопрос ребром, не пошел на открытый конфликт, не вынес »сор« из избы. Увы, упущенного не воротишь...» [5, с. 296].

День сегодняшний показывает насколько несовершенна экономическая система капитализма. Поэтому рассуждения Лигачева вскоре могут стать весьма актуальными, причем как на Западе, так и в России: «Что такое социализм в моем понимании? Это общество, где отдается приоритет человеку и демократии... Экономической основой социализма является общественная собственность на средства производства в многообразных формах, где человек становится совладельцем, где сочетание плана и рынка. Политической основой — демократические основы всех ступеней, правовое государство. В нравственном отношении — это общество социалистических ценностей, вбирающее общечеловеческие ценности» [5, с. 279].

Самой одиозной инициативой Лигачева традиционно считается «антиалкогольная программа». Преследуя благую цель избавить общество от порока пьянства, Егор Кузьмич, как признавался позже, сам стал радикалом. Будучи человеком непьющим, он наложил личностный трафарет на все общество, что дало неутешительный результат, программа провалилась. Забегание вперед и стремление решить проблему одним ходом, против чего обычно выступал Егор Кузьмич, стали его спутниками в «антиалкогольной программе». Впоследствии он признает это: «Но прозрение пришло весьма быстро: борьба с пьянством — дело долговременное, постепенное. Это заставило менять тактику, переносить акценты с запретительства и кампаний на разъяснительную работу, рассчитанную на дальнюю перспективу» [5, с. 287]. Цели программы были весьма перспективные, отметим, что рост недовольства накладывался на политический кризис, в ход пошли все мыслимые и немыслимые доводы о «пользе алкоголя» — от развития виноградарства до благополучия денежной системы страны. Провал кампании, встреченный открытыми насмешками, привел к резкому росту пьянства, особенно в 1990-е гг.

Центральное место мемуаров занимает фигура Генерального секретаря ЦК КПСС, а затем Президента СССР, Михаила Сергеевича Горбачева. Сторонники рыночной экономики критиковали его за непоследовательность реформ и попытки сохранить прежнюю централизованно-плановую экономику и социализм. Консервативные политики обвиняли его в экономической разрухе, крушении СССР и прочих негативных последствиях Перестройки. Н. И. Рыжков, последний председатель Совета министров, считает, что одной из главных ошибок Горбачёва было совмещение по времени экономической перестройки с перестройкой политической системы. При этом отмечает, что болезненные реформы могли быть успешными только при наличии сильной власти, как в Китае, чего нельзя сказать относительно СССР [14]. По мнению философа А. А. Зиновьева, одного из первых негативно воспринявших перестройку, прозвавшего её «Катастрофой» и выпустившего в 1988 году книгу с таким названием, «горбачёвское руководство встало фактически на путь предательства и капитуляции перед Западом». Народный депутат СССР, политолог Алла Ярошинская считает, что Горбачёв чрезмерно полагался на «данное слово» и «эмоциональную составляющую», не подкреплённые никакими серьёзными международными документами. По её мнению, нынешняя Россия до сих пор страдает от этого [16]. Анализируя мнение сегодняшнее, профессор факультета политологии МГУ Сергей Черняховский говорит, что в современном российском обществе сложилось определённое отношение к Горбачёву, когда подавляющее большинство относится к нему с презрением, «опросы показывают, что большое количество людей считают ниже своего достоинства оценивать его деятельность. Это те, кто говорит: никак не отношусь, то есть с пренебрежением» [12]. Однако в середине 1990-х годов учёные стали изучать и другие факторы, часто называя в качестве причины отсутствие реформ при Л. И. Брежнев. [11].

Лигачев был знаком с Горбачевым еще с начала 1970-х годов, к началу 1980-х они сблизились на почве понимания, что стране необходимы перемены, не зря Ю. В. Андропов приблизил обоих к высшим эшелонам власти. Фактически находясь в дружеских отношениях, связка «Горбачев — Лигачев» дала успешный старт перестройки. Но к 1988 г. ситуация изменилась, Горбачев в своем политическом выборе перестал считаться со своим другом, последний, надеясь на сознательность Михаила Сергеевича, по-прежнему давал советы. Произшедшая перемена и сама фигура Горбачева, по мнению Лигачева, есть одна из главных причин провала курса.

Лигачев считает, что новое окружение всячески уводило Горбачева от настоящих проблем. В действительности, он стремился соответствовать образу «просвещенного монарха», проявляя некие общечеловеческие категории. И здесь Егор Кузьмич подчеркивает небезынтересную особенность — такие правители начинают тяготиться реальными практическими делами, переставая заниматься столь нужной черновой работой. Если государство нахо-

дится в переходном периоде, то при таком лидере хорошего не жди: «Раньше говорили одно, а делали другое, теперь же говорили много — и мало что делали» [5, с. 109]. Так сам Лигачев, более тяготеющий к практическим делам, выпал из новой компании, составленной Яковлевым. Последние начали оказывать психологическое влияние на лидера, говоря о некоем заговоре, внушая ему «синдром Хрущева». В действительности, такой подход дает объяснение изменению поведения Горбачева.

Одним из факторов неудач Генсека Лигачев называет его «запаздывание». В действительности, вспомнить аварию на Чернобыльской АЭС, погромы в Сумгаите и Фергане, «Тбилиское дело», провозглашение независимости в Литве — во всех случаях власть не успевала среагировать вовремя. Лигачев объясняет это тем, что Горбачев принимает решение лишь тогда, когда проблема не созрела, а перезрела, он специально выжидал, чтобы затем с ореолом «спасителя» разрешить все невязки. Таким образом, он еще более усугублял кризисы, не успевая решить все проблемы, что превращалось в погоню «за собственным хвостом». Страна тем временем сползала в пропасть, а лидер в самый нужный момент, очевидно им самим запланированный, не успел ее спасти.

В руках Горбачева была сосредоточена достаточно большая власть, что ее неиспользование могло привести к ослаблению роли центра: «Генсек за границей, зама он не оставил. Секретариат ЦК не работает, Верховный Совет сложил полномочия, а старое правительство в условиях партийно-государственного управления не привыкло принимать политических решений. Огромная страна, вступившая в очень сложный период своего развития, столкнулась с ослаблением власти» [5, с. 216]. Таким образом, пока Горбачев реализовывал на Западе доктрину «нового политического мышления», обернувшуюся односторонними уступками со стороны СССР, внутри государства активно происходили процессы сепаратизма, на которые власть вовремя не реагировала. Генеральный секретарь постепенно утрачивал четкие ориентиры, оказавшись под влиянием нового окружения: «Я же со своей стороны могу сказать, что Горбачева умело вовлекли в сугубо политическую борьбу, пугая «правой» опасностью, намекая на судьбу Хрущева. В итоге вместо реальной опасности, угрожавшей перестройке, — махрового национализма ему подsunули опасность мнимую, — в виде консерватизма, причислив к консерваторам политиков, стоящих на позиции реализма, здравого смысла. А произвел эту подмену в первую очередь Яковлев, который с весны 1988 года открыто патронировал националистические движения, не позволяя развернуть против них настоящую идейную борьбу» [5, с. 247]. В целом, проявляется заикленность Лигачева на личности Яковлева. Оценивая Горбачева, он выделяет некоторые негативные свойства личности Генсека, но вину за их развитие возлагает именно на Яковлева. Не происходит учет самих личных решений Горбачева и других членов окружения. Как известно, даже при всем желании, один человек не может полностью перевернуть систему, для

этого складываются объективные предпосылки. Показателен случай Игоря Стрелкова, признавшего, что именно он «развязал маховик войны» на Донбассе в 2014 г., но понятно, что виноват он лишь отчасти. В том же ключе стоит оценивать личности Горбачева и Яковлева.

Подводя итоги, отметим, что Лигачев попытался дать довольно подробный политический анализ событий Перестройки. Выстроив собственную оправдательную концепцию отсутствия волевых политических действий, создал образ «неуслышанного пророка». Возложив вину провала курса на Яковлева и Горбачева, сам же предстал как понимающий мыслитель, давший множество верных прогнозов, сбывавшихся и в 1991 г., и в постсоветский период. Так,

вина Лигачева состоит не в том, что он не понимал происходящего, а в том, что не предпринял решительных действий. Вполне возможно, что страна, увидевшая жарким августовским вечером 1991 г. по телевизору не трясущиеся руки Янаева, а уверенного Лигачева, до сих пор бы продолжала существовать. Несомненно, что этот талантливый человек, преданный до конца идеям социализма, принципиальный по важнейшим вопросам, был практиком, но практиком-реалистом. Он объективно взвешивал все «за» и «против», но не мог пойти «ва-банк», рискнуть. Эта черта не позволила превратиться Лигачеву, имеющему все задатки, в настоящего лидера, капитана терпящего бедствия корабля под названием СССР.

Литература:

1. Брейтвейт, Р. Горбачёв: Крах советской империи / Р. Брейтвейт. — М., 2012.
2. Горбачев, М. С. Жизнь и реформы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gorby.ru/gorbachev/zhizn_i_reformy1/page_10/ (дата обращения: 18.12.2015).
3. Деркач, О. А. Горбачёв. Переписка переживших перестройку / О. А. Деркач. — М., 2009.
4. Лигачёв, Е. К. Избранные речи и статьи / Е. К. Лигачев. — М., 1989.
5. Лигачёв, Е. К. Загадка Горбачева / Е. К. Лигачев. — Новосибирск, 1992.
6. Лигачёв, Е. К. Кто предал СССР? / Е. К. Лигачев. — М., 2009.
7. Лигачёв, Е. К. Подвиг века // Нефтяная эпопея Западной Сибири. Сборник статей-воспоминаний. / Под ред. К. М. Маркович и др. — М.: Типография «Нефтяник» Минтопэнерго, 1995.
8. Лигачёв, Е. К. Борис был не прав / Е. К. Лигачев. — М.: Алгоритм, 2012.
9. Лигачёв, Е. К. Предостережение / Е. К. Лигачев. — М., 1999.
10. Одноколенко, О. Прощай, СССР // Итоги. — М., 2011. — № 33 (792).
11. Скосырев, В. Китайцы винят Горбачева в крахе КПСС / В. Скосырев // Независимая газета. — М., 2013. — 12 декабря.
12. Сочнев, В. Не лучше ли Сталин, чем то, что началось после 1987 года / В. Сочнев // Лента. — М., 2015. — 18 февраля.
13. Статья Нины Андреевой: «мини-путч» ортодоксов // Русская служба. — М., 2013. — 13 марта.
14. Хохлов, А. Страна не переживет без нового рывка вперед / А. Хохлов // Вечерняя Москва. — М., 2014. — 27 сентября.
15. Яковлев, А. Н. Большевизм — социальная болезнь XX века. — М., 2001.
16. Ярошинская, А. Россия под прицелом Запада / А. Ярошинская // Росбалт. — М., 2007. — 13 февраля.

Святые и грешники русской истории: агиографический этап русской киногероики

Капорина Юлия Витальевна, магистрант
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье автор рассматривает второй этап кинематографической героики, приходящийся на 1990-е годы, и выдвигает гипотезу о появлении в это время нового течения в киноискусстве — агиографического кинематографа и свойственного ему жанра — фильма-жития. Предметом исследования являются образы правителей Древней и Московской Руси в кинематографе, представленные князем Владимиром, Александром Невским и Иваном IV Грозным.

Ключевые слова: кино, история, агиография, героика, Древняя Русь, Московская Русь, Александр Невский, князь Владимир, Иван Грозный, кинематограф 1990-х гг.

Вопрос образа героя в отечественном кинематографе уже неоднократно поднимался в историографии, однако среди исследователей существует значительный

плюрализм мнений по этому вопросу. Н. А. Хренов проводит прямые аналогии между мифологическими системами и кинематографом, предполагая, что в развитии

сюжета игрового кино можно обнаружить воспроизводство мифа о культурном герое [9]. М. Г. Макиенко настаивает на преобладании в отечественном игровом фильме на историческую тему образа народа («симфонического героя»), как главного субъекта исторических событий [6]. Однако эти выводы, сделанные без опоры на конкретные источники-кинофильмы, кажутся несколько натянутыми. Более убедительной является точка зрения Т. А. Есиной, которая указывает, что «важным каналом передачи национального духовного опыта являются образы политических лидеров, заложивших стратегию развития России как христианского государства» [4, с. 133].

В России получила распространение традиция выбирать на роль национального героя правителя, сакрализируя его фигуру. При ретроспективном рассмотрении образа героя игровых фильмов, отражающих историю Древней и Московской Руси, становится очевидной хронологическая трансформация кинематографической героики. Советский кинематограф создавал из исторических деятелей Древней и Московской Руси героев гесиодова века, делая упор на качества политика и полководца, лидера и мудреца, переплетенных в сложной и многогранной личности, движимой высокими страстями и высокими идеалами. Такими перед нами предстают Александр Невский и Иван Грозный, Юрий Долгорукий и Даниил Галицкий, князь Святослав Игоревич и Ярослав Мудрый. Однако общественно-политические изменения в стране внесли существенные коррективы в устоявшийся канон русской киногероики.

В 1990-е гг. на фоне политических событий произошел кризис общественного сознания. С распадом Советского Союза общество было дезорганизовано, потрясено, растеряно. Как следствие произошло пробуждение религиозного чувства, причем во всех его проявлениях. Вырос авторитет Русской Православной церкви, увеличилось ее присутствие в жизни общества. Одной из форм этого присутствия явилось обращение РПЦ к истории и создание идеи «святой монархии». Но не только церковь смотрела на историю в надежде найти святого царя, само общество нуждалось в герое не только сильном, но и чистом, святом, который был бы защитником на земле и покровителем на небесах.

В 1990-е гг. появляется целая плеяда художественных исторических фильмов, где главной характеристикой оценивания поступков героя становились категории «праведности»/«неправедности». Полурациональный анализ истории, свойственный советскому историческому кино, сменяется анализом иррациональным, построенном исключительно на воздействии на моральное чувство зрителя. Отечественный кинематограф, отражающий историю России допетровского периода, вновь обращается к образам своих любимых героев: Александра Невского, Владимира Святославича и Ивана Грозного, — но теперь с совершенно иной точки зрения. В случае князя Владимира и Александра Невского духовная жизнь и признанная святость абсолютизируются как доминанта и квинтэссенция

их исторической деятельности, а в случае Ивана Грозного происходит демонизация исторической личности, создание образа абсолютного зла при игнорировании детерминистического подхода и принципа историзма, в конфликте царя и церкви воплощается традиционный онтологический сюжет борьбы добра и зла.

Эти тенденции в отечественном кино были так сильны и проявились настолько отчетливо, что можно выдвинуть гипотезу о появлении такого специфического течения в киноискусстве как агиографический кинематограф. При всей необычности использования термина «агиография» применительно к произведениям кинематографа, подчеркнем, что он уже вошел в исторический дискурс, получив успешное применение в работе доктора исторических наук А. В. Зябликов [5]. Автор исследовал проявление агиографических мотивов в сюжетном и символическом поле кинокартин 1930-х — 1950-х гг. Хронологические рамки работы, а также отношение автора к кинематографу исключительно как к средству пропаганды тоталитарного общества, не позволили ему перейти к более широким обобщениям. В кинофильмах 1930-х — 1950-х гг. агиографическая тенденция заключалась в механическом копировании элементов житийного канона в сюжете и использовании религиозных символов и аллюзий при построении кадра. Таким образом, она оставалась на уровне формы, а не содержания, которое развивалось и в итоге привело к появлению в 1990-е гг. самостоятельного агиографического кинематографа с особым жанром фильма-жития. Ярчайшими проявлениями этого жанра стали кинофильмы Г. Кузнецова «Житие Александра Невского» (1991 г.) и Ю. Томошевского «Владимир Святой» (1993 г.).

«Житие Александра Невского» стало лебединой песней советского кинематографа. Снятый при финансовой поддержке РПЦ, это в полной мере фильм-житие, который начинается словами «Господи, благослови!», а заканчивается словами «Богу нашему слова, прославившему святых своих во веки веков!». Все действие фильма проходит в борьбе истинной веры против темных сил. Сам Александр Невский стоит вне этой борьбы, не является ее участником. Его жизнь представлена не как достижение святости, а как обретение святости априорной, присущей ему изначально. Нам показан предельно светлый образ Александра Невского без каких-либо темных пятен или неоднозначных поступков. И святость князя Александра — это святость мудреца, нового Соломона — «...и дал ему Бог премудрость Соломона...» — читаем мы в его житии [1, с. 41]. События фильма застают Александра Невского на его последнем пути из ставки хана во Владимир. Поездка на санях сквозь зимний лес — аллегория уходящей жизни, известная в русской культуре еще с «Почтения» Владимира Мономаха. Князь умирает, и вся его жизнь — это лишь череда воспоминаний, проплывающих перед его мысленным взором: набег татар, преддверие Невской битвы, поездка в Орду, встреча с послами папы римского.

Фильм дает свою интерпретацию поступков князя Александра Ярославича. Так, мы получаем ответ, почему же победоносный Невский не сражался с ордынскими захватчиками. Для этого введен эпизод, в котором князь случайно слышит разговор митрополита со своим братом Андреем. Князь Андрей просит благословение на сражение с татарами, но митрополит говорит: «Не время выходить на поле брани. Мир держится на тонкой нити. Едва Господь прикоснется к ней, и кончится мир». На вопрос Андрея «И доколе ждать?» митрополит отвечает «Дотоле пока силы не накопим, пока в мире и согласии жить не станем, пока не покинет ужас одичания и братского озлобления твоих родных и твоих двоюродных братьев, дядей, племянников. О, Господи! Они разносят Русь в бессвязные, вечно враждующие между собой удельные лоскутья. Дотоле ждать, пока несогласия начнутся в Орде — предвестники ее падения». Таким образом, мы видим именно историческую интерпретацию отказа борьбы Александра Невского с Ордой — главным злом для Русской земли создатели фильма объявляют внутреннюю раздробленность, а не внешнюю угрозу, будь то татары или немцы. Интересной особенностью фильма является отображение факта поездок князя в Золотую Орду, которые не встречаются ни в одной киноленте о Невском. Встреча Александра Ярославича с Батыем преподносится как разговор двух друзей-мудрецов, а сам хан, незадолго до этого разрушительным походом прошедший по Руси, представлен философом, который считает себя «покровителем земли Русской». Таким образом, тенденция восхваления личности Александра Невского и умаления ордынской угрозы для Руси полностью искажает характер русско-ордынских отношений XIII века.

В целом, в фильме было сделано два значимых исторических акцента — восточная политика князя Александра Ярославича и картина духовной жизни Руси XIII века. Если русско-ордынские отношения в фильме поданы в искаженном с исторической точки зрения виде, то религиозная картина Руси представлена довольно правдоподобно. Кинофильм блестяще отразил двоеверие, царившее в древнерусском обществе. Дружинник, который горячо молится богу о здоровье князя Александра, а после этого совершающий жертвоприношение хлебом деревянному кумиру, — прекрасная иллюстрация бытового двоеверия. Причем, по ходу фильма становится известно, что этот дружинник был внуком волхва, с которым в детстве приносил жертвы богам на лесном капище. Все это вполне могло иметь место в повседневной жизни людей XIII века. С исторической точки зрения оправдан и сильный религиозный акцент фильма, поскольку именно после монгольского завоевания религия стала играть определяющую роль в жизни русского человека [3, с.78].

Самым слабым моментом фильма является образ самого Александра Невского. Из-за специфики подхода создателей фильма мы получили очень плоский, одномерный, практически иконописный образ Александра Ярославича. Попытка оправдать ордынскую политику

князя привела к принижению его побед на северо-западе: Невская битва и Ледовое побоище остаются за кадром, они не имеют значения; интерес создателей фильма привлек только эпизод с видением Пелгусию св. Бориса и Глеба. Образ воина, который подробно описан в историческом житии, в киножитии князя заменяется образом мудрого, слегка отрешенного правителя, который во всем слушается митрополита и горячо молится Богу.

Другим примером киножития 1990-х гг. является «Владимир Святой». Личность режиссера — актера и театрального режиссера Ю. Томошевского — обусловила специфику фильма, который выглядит как экранизация пьесы. Как и в случае с Александром Невским, действие кинокартины происходит перед смертью главного героя. К Владимиру приходит сама смерть в облике Рогнеды и начинается испытание героя: в длинной череде упреков проверяется вера князя-крестителя.

Вместе с призраком Рогнеды Владимир оглядывается на прошедшую жизнь. После упрека Рогнеды в том, что он «народ насильно крестил, а сам язычником остался» и является «язычником в душе», он вспоминает богов своего детства и юности, называя их страшными и жестокими. Рогнеда призывает его вспомнить все грехи — убийство брата, разорение Полоцка, убийство ее семьи, поругание матери Святопока, одобрение человеческого жертвоприношения. Все они связываются с влиянием на героя язычества и первая смысловая часть фильма заканчивается словами: «Время идолов прошло — настал час веры истинной». Летописный сюжет о споре вер знаменуется до боли знакомой для 1990-х гг. фразой: «Да только после Константинополя ну невозможно на Руси жить!», проводя прямую связь X века с концом XX. Одной из сюжетных линий является рассуждение о судьбе Святополка и Бориса. Борис, по фильму любимый сын Владимира от Анны, должен наследовать отцу, но Святополк, ненавидящий Владимира за убийство отца, отомстит ему убийством Бориса и возвращением отцовского стола в Киеве. В конце фильма Владимир подавлен известием о грядущей судьбе любимого сына. Он стоит в кругу идолов, с ним его ангел-Анна и смерть-Рогнеда в белых и черных одеждах. И размышления о важности крещения, прерванные откровением о судьбе любимого сына, приходят к оценке его правления: «Ты, Владимир, угоден Богу, за то, что обратил свой народ в христианство. Вера твоя от сердца, Владимир, и в христианстве жил по законам божьим. Ты укрепил границы земель своих, построил города и церкви, народ обогатил, сырых приютил. На тебе двойная благодать — людская и божья. И те, что поначалу шли в церковь против воли, познали истину, и Бог, проникнув в души их, наполнил их любовью». После последнего покаяния образу матери и ее последнего утешения, Владимир готов принять смерть с твердой верой в Бога, свеча его жизни гаснет.

Фильм проникнут глубоким символизмом, в нем все условно, все символично, кроме самого князя Владимира. Рогнеда и Анна — две части его души, его черная

и белая половины, его смерть и ангел избавления. Святополк — олицетворение языческой мести, которая падет на детей Владимира за его грех братоубийства. Действие происходит в условных декорациях, в условном пространстве-времени, поскольку они проходят лишь перед мысленным взором умирающего князя. Интересно, что еще в самом начале фильма князь Владимир произносит слова молитвы, которая встречается в «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова Мниха [7].

Если мы сравним трактование св. Александра Невского в фильме «Житие Александра Невского» и князя Владимира в фильме «Владимир Святой», мы сразу заметим разницу в определении их святости. Если путь к святости Александра Невского показан как **подвиг** — и военный, и политический, и духовный, то князь Владимир приходит к ней через **преодоление**, в первую очередь, себя и своих грехов. Вознесшись над языческой средой, в которой он вырос, над своими пороками и внутренне осознав необходимость просветить и свой народ, не оставляя это на своем личном уровне, как княгиня Ольга, Владимир заслужил звание Святого. Скорее всего, в этом и состояло послание создателей фильма.

Сильнейшую трансформацию в 1990-е гг. претерпел кинообраз Ивана IV. Поскольку попытки канонизации Ивана IV потерпели неудачу, агиографический кинематограф зарезервировал за ним амплуа демона. Прогрессивный, героический и даже привлекательный образ Ивана Васильевича уступил место Ивану Грозному — кровавому тирану со сворой псов-опричников, истерзавшему народ своим «кровопийством». Маркер «царя-государственника» заменили на маркер «грешника», в качестве которого Иван IV противопоставлялся «святым» — князю Владимиру и Александру Невскому. Именно таким мы видим первого русского царя в кинофильмах Г. Васильева «Царь Иван Грозный» (1991 г.) и А. Салтыкова «Гроза над Русью» (1992 г.).

Создание образа Ивана IV как «грешника» было возможно на базе явления опричнины и использованию информации из иностранных источников, рисующих царя в исключительно черных тонах. В 1990-х отказались от идеи экранизации истории опричнины как таковой, ограничившись экранизацией художественного произведения А. К. Толстого «Князь Серебряный». Выбор в пользу этого исторического романа был неслучаен. Исследовательницей Е. В. Никульшиной был отмечен религиозный подход автора к истории эпохи Ивана Грозного. По ее мнению, как православный историк А. К. Толстой оценивал происходящее с христианской точки зрения [8, с.157]. Обращение к роману А. Толстого «Князь Серебряный» в 1990-е гг. становится актуальным потому, что художественное воплощение личности первого русского царя совершается в свете религиозно-мистической концепции Помазанника Божьего, которая во многом объясняет противоречивые обстоятельства его правления [8, с.158]. Подводя итоги исследования историзма в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный», Е. В. Никульшина

начинает оперировать категорией «святости», рассматривая исторический контекст романа через призму религиозного видения: «Воцарение Грозного стало переломным моментом русской истории, завершив процесс формирования русского народа как народа-богоносца, русской государственности как религиозно осмысленной вероохранительной структуры, русского самосознания как осознания богослужебного долга, русского «воцерковленного» мироощущения как чувства промыслительности всего происходящего. Личность Иоанна IV как первого русского православного царя воплотила в себе слитые воедино соборность народа и его державность. Вследствие этого права верховной власти Грозный определяет христианской идеей безусловного повиновения. По этой логике, если царь поступает жестоко или несправедливо — это его грех. Ответственность царя — перед Богом. Но на земле, перед подданными царь не держит ответа» [8, с.159–160]. Именно на этих особенностях историзма романа А. К. Толстого «Князь Серебряный» агиографический кинематограф 1990-х гг. выстраивает бесконечную филиппику против Ивана Грозного.

В фильме Г. Васильева «Царь Иван Грозный» есть несколько художественных находок, которые необходимо отметить. При конструировании образа царя, создатели фильма используют прием, позволяющий нам вспомнить и о сложных детских годах Иоанна. Когда царь молится, зритель слышит молитву робкого ребенка, который знает о своем царском долге и хочет стать достойным правителем. Трогательные слова мальчика оправляют нас в эпоху разгула боярского правления — в сложнейший этап жизни Ивана Грозного, о котором царь неоднократно вспоминал в свои речах боярам и в письмах к А. Курбскому, заставляя серьезнее задуматься над причинами введения опричнины. Образ Ивана Грозного является настоящим режиссерским открытием: Г. Васильев использовал интересный художественный прием, позволяющий нам проследить авторскую концепцию видения личности Ивана IV. Царь Иван Васильевич, который не только по отзывам современников, но и данным антропологической экспертизы, имел славянскую внешность, неожиданно приобрел кавказские черты, потому что впервые в отечественном кинематографе роль Ивана IV исполнил грузинский актер! Кахи Кавсадзе с помощью выразительных глаз и игры голоса придал грозному царю восточной жестокости. Более того, К. Кавсадзе исполнил одновременно две роли: Ивана Грозного и Василия Блаженного. Несмотря на иной голос (озвучил Василий Блаженного С. Малишевский), в лице блаженного перед нами отчетливо проявляются черты грозного царя, что наиболее контрастно выглядит в сценах их диалогов. Таким образом, Г. Васильев предлагает нам абсолютно новый для фильмографии Ивана Грозного образ — святого и грешника одновременно. Это уникальный пример для агиографического кинематографа 1990-х гг., потому что два маркера — «святой» и «грешник» — не противопоставлены друг другу в антагонистической противоположности, а являются двумя сторонами противоречивой

личности. Но в конечном итоге, в Иване Грозном побеждает грешник: из-за душ невинно убиенных образ Анастасии-Беатриче больше не является к царю, а последние кадры фильма и вовсе показывают нам картину Апокалипсиса, во время которого с последней надеждой на милость Бога Иван Грозный зовет народ в церковь.

Композиционное строение фильма А. Салтыкова «Гроза над Русью» можно представить в виде схемы: Явление святого-печальника о Русской земле — Сюжет романа «Князь Серебряный» — Явление святого-печальника, огненный крест и великий грех». Фильм начинается с явления святого Василия Блаженного, поющего о Христе. Его образ олицетворяет последний проблеск света святости в забытой богом Руси, которой правит сатана. На экране перед нами совершенно апокалиптический образ Руси: разорение, голод, разбой опричников и татар. Люди страдают и понимают, что царю «... видно, Сатана нашептывает. Выпросил у бога светлую Россию Сатана, да и омыл кровью мученическую». Он является во второй раз как защитник праведных — силой своего авторитета защищает от опричников князя Серебряного. И последнее явление святого происходит после казни «блаженных» — несправедливо наказанных Дружины Андреевича и Федора Басманова. Следует встреча святого и грешника, в которой святой укоряет царя в том, что тот «пьет кровь человеческую», «пожирал людей», да так, что у него уже «рога выросли, и голова стала песья». «Уходи от нас» — последние слова Василия Блаженного, обращенные к грозному царю. Явление единственного святого на Руси открывает и замыкает части композиции фильма, обрамляя действия романа. Завершает кинофильм самообличительная молитва Ивана Грозного, явление на экране огненного креста, выложенного из горящих факелов и раскат грома. Последние символы подчеркивают апокалиптическую обстановку на Руси и напоминают нам о строке из сочинения Ивана Пересветова «Сказание о Магмет Салтане».

Таким образом, в кинофильмах «Царь Иван Грозный» и «Гроза над Русью» исторический герой представлен в самом малопривлекательном свете. Кинематограф 1990-х гг. стремился разрушить в общественном сознании великолепный образ царя Ивана, созданный С. М. Эйзенштейном и Н. К. Черкасовым, и обаятельный, харизматичный образ Ивана Васильевича из шлягера Л. И. Гайдая и Ю. В. Яковлева. Акцентируя внимание на опричнине, выдвигая во главу угла религиозный фактор восприятия исторической личности, создатели кинофильмов неминуемо исказили образ Ивана IV. Он получался таким же

плоским и односторонним, как и образы героев-святых: князя Владимира и Александра Невского. В стремлении изобразить на экране Ивана IV великим грешником эстафету у кинематографа 1990-х гг. перенял П. С. Лунгин. В его масштабном историческом кинофильме «Царь» (2009 г.) Иван Грозный приобретает поистине чудовищные черты шекспировского злодея. Еще больше вопросов вызывает тот факт, что историческими консультантами картины выступили члены Патриаршего совета по истории, во главе с А. Л. Дворкиным, который и сам сыграл роль в фильме П. С. Лунгина. Фильм, в котором огромный упор был сделан на религиозный фактор, фильм, создание которого благословил сам патриарх Алексей II, допустил невероятное количество ляпов и искажений не только в исторических деталях, но и в тонкостях церковной атрибутики и богослужений, подробно рассмотренных в статье историка русской церкви М. А. Бабкина [2].

Как мы могли убедиться, кинематограф как одна из сторон духовной жизни современного общества не избавлен от проявления религиозной духовности. В популярнейшем из всех искусств агиографические тенденции 1930–1950-х гг. развились до самостоятельного течения — агиографического кинематографа. Его появление в начале 1990-х гг. знаменовало собой смещение акцентов в русской киногероике: кинофильм крупным планом стал показывать духовную сторону жизни героев русской истории, абсолютизируя личностные качества и пренебрегая историческим фоном. В случае с Александром Невским и князем Владимиром Святославичем мы наблюдали отчетливую сакрализацию образа исторического деятеля и попытку замены традиционного восприятия этих героев как архетипов «воина» и «правителя» на «святого». Образы этих правителей получились по-настоящему иконописными: плоские, однотипные, елейные и художественно слабые. В таком герое не чувствуешь ни глубины характера, ни силы переживаний: единственное из чувств, доступное такому киногерою, — религиозное. Агиографический кинематограф 1990-х гг. не пожалел темных красок для Ивана IV: сам государь и Русь XVI века будто сошли с фресок «Страшный суд». В агиографических кинофильмах рассмотрение истории через религиозную призму неминуемо приводит к искажению исторической действительности не только в частных моментах реквизитного и хронологического характера, но и в самом характере показываемых событий. Однако сегодня это течение уверенно завоевывает мультипликацию и наполняет пространство исторических кинокартин святыми и грешниками, ангелами и демонами русской истории.

Литература:

1. Александр Невский. За Землю русскую! / под ред. М. Терешина. — М.: Эксмо, 2012. — 480 с.
2. Бабкин М. А. Фильм «Царь»: Нелепости церковных образов / М. А. Бабкин // Новый исторический вестник. — 2011. — № 28. — С. 110–114.
3. Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси / Н. М. Гальковский. — М.: Академический проект, 2013. — 575 с.

4. Есина, Т.А. Сакрализация образа политического лидера и национальная консолидация россиян: князь Владимир Святой как символ государственного деятеля и современность/Т. А. Есина// Известия Тульского государственного университета. — Тула, 2014. — № 4—1. — С. 128—140.
5. Зябликов, А.В. Агиографические мотивы в советском кино 1930—1950-х годов/А. В. Зябликов// Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. — Архангельск, 2017. — № 3. — С. 40—48.
6. Макиенко, М.Г. Образ исторической личности в отечественном кинематографе/ М.Г. Макиенко// Молодой ученый. — Казань, 2011. — № 12(35). — С. 179—183.
7. Мних, И. Память и похвала князю Владимиру/И. Мних// http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/X/Pamjat_Vladimir/text1.htm Дата обращения: 16.02.17.
8. Никульшина Е.В. Особенности историзма романа А.К. Толстого «Князь Серебряный»/Е. В. Никульшина// Известия Волгоградского педагогического университета. — Волгоград, 2008. — № 10. — С. 156—160.
9. Хренов, Н.А. Миф и культура в XX веке: кинопроизводство мифологем (начало)/Н. А. Хренов// Культура культуры. — М., 2015. — № 1(5). //URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mif-i-kultura-v-hh-veke-kinoproizvodstvo-mifologem-nachalo> (дата обращения 22.04.17).

Место музыки в древнегреческом обществе периода высокой классики

Мигурская Полина Евгеньевна, студент

Российская академия музыки имени Гнесиных (г. Москва)

Конструктом восприятия музыки древним греком являлась вера в ее божественное происхождение. Возможно, этим определялась та исключительная роль, которую она играла в жизни Эллады: ей приписывались «воспитательные, магические и даже врачебные функции. Так, как успокоительная и уравнивающая гармония» [2, с. 14] воспринималась музыка Аполлона и муз вообще.

Мифологическая компонента считалась одной из базовых элементов сознания эллина. Она характеризовала способ духовного освоения мира, как на индивидуальном-личностном, так и на коллективном уровне. Миф (греч. *μῦθος* — сказание, предание) объяснял этот мир, его происхождение, определял место в нем богов и людей, был способом моделирования окружающего пространства.

В этой культурной традиции существовали циклы преданий, повествующих о происхождении музыкальных инструментов, генезисе музыки, ее составляющих. Ряд сказаний был посвящен и Фебу, искусно поющему златокудрому богу. Он признавался покровителем музыкантов, певцов и вообще всех, кто связан с музыкальным искусством.

Однажды Мусaget принял облик дельфина и направил корабль критских моряков к выбранному им месту, которое, в честь священного животного, назвали Дельфы. Здесь ими был построен храм, где бывшие мореплаватели стали исполнять обязанности жрецов, и впервые запели хоровые гимны, посвященные богу-покровителю со словами благодарности, — пеаны. Эти песнопения представляли собой «истинно эллинскую музыку: величественную, спокойную и благородную. В ее основе лежало глубоко религиозное чувство уважения к отечественным богам» [1, с. 31]. Они исполнялись под аккомпанемент струнных инструментов: кифары, форминкса или лиры. Аполлон изображался с одним из этих инструментов. Позднее

аполлоновская музыка сопровождала традиционные религиозные ритуалы.

Помимо этого, музыка звучала на протяжении всего жизненного пути человека, являлась его спутницей, начиная «с рождения и кончая смертью, она была одним из предметов его занятий в палестре, сопровождала его в битве с врагами и в пиршестве с друзьями и т. д.» [2, с. 8].

Песни раздавались во время бытовых обрядовых церемоний, во время жатвы, сбора винограда, его выжимании, размалывании зерна, печении хлеба, при черпании воды и т.д. Исполнялись они коллективно. Состав древнегреческого обрядового хора дифференцировался по гендерному или возрастному признаку. На празднествах слышались хоры девушек, женщин, мальчиков, мужей, старцев, вступающих в состязание (греч. *ἄγων* — соревнование, состязание) между собой.

Однако, известно, что в Элладе распевались и законы. Это был тот случай, когда в Спарте вспыхнули жестокие раздоры. Для преодоления возникших противоречий были приняты определенные постулаты. Они координировали взаимоотношения индивидов, служили гарантом их безопасности от каких-либо своеволий, при этом, учитывались права и желания лаконцев. Однако провозглашенные предписания еще следовало трансформировать в действующие реалии. С этой целью обратились за помощью к песне.

Известный древнегреческий музыкант Терпандр создал для текста законов достойное музыкальное обрамление. «Это должна была быть яркая и образная музыка, помогающая проникновению в суть законоположений и приемлемая для всех возрастов и самых разнообразных вкусов» [1, с. 210]. Жители Лаконии повсеместно распевали их, воспринимая как незыблемые указания, руководства, ориентированные на регламентацию норм жизни людей.

Можно констатировать, что в данных условиях государство, обратившись к музыке, смогло найти возможность разрешения сложной политической ситуации. Музыка выполнила задачи, поставленные перед ней.

Вместе с тем, «особенное значение придавалось музыке, как средству воспитания» [2, с. 6] подрастающего поколения. На музыкальном воспитании, в первую очередь, строилась система общественного образования древних греков.

Величайший античный мыслитель Платон утверждал, что для тела существует гимнастика, для души же — музыка, при этом воспитание мусическое должно предшествовать гимнастическому, ибо «оно всего более проникает в глубь души и всего сильнее ее затрагивает» [5, с. 120]. Этот принцип являлся базовым в афинской модели образования. Ее целью было воспитание гармонично развитого человека, свободной творческой личности, активно включенной в полисный уклад жизни.

Основу начального обучения юных жителей Атики, помимо чтения, письма и счета, составляло пение, которое «находилось в тесной связи с музицированием» [4, с. 755]. Платон подчеркивал важность подобных занятий. Например, отмечал он, «обучение у кифариста, влияя на личность в целом, способствует приучению молодых к »владению собой«, делает их более культурными, поселяя в их душах эвритмию и гармонию» [3, с. 68]. Музыкальное же образование, пояснял далее философ, значимо и для всей нравственной сферы.

Таким образом, музыка пронизывала собой все аспекты структуры государства эллинов: сопровождала традиционные религиозные и бытовые обряды, играла основополагающую роль в воспитании подрастающего поколения, решала политические вопросы. Она занимала специфическое место в жизни Древней Греции периода высокой классики, что являлось культурологической константой, имманентно присущей общественной жизни в целом.

Литература:

1. Герцман, Е. В. Музыка Древней Греции и Рима / Е. В. Герцман. СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», 1995. — с. 334.
2. Лосев, А. Ф. История античной эстетики / А. Ф. Лосев. Т. 3. Издательство: АСТ, Фолио, 2000. — 624 с.
3. Марру, А.—И. История воспитания в Античности (Греция) / А.—И. Марру. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1998. — с. 425.
4. Музыкальная энциклопедия / глав. ред. Ю.В. Келдыш. Т. 3. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1976. — 552 с.
5. Платон. Государство / Платон. — М.: Академический проект, 2015. — 398 с.

Астрахань в 1965–1985 гг. Проблемы и противоречия региона с позиции современного научного знания

Савельева Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор;
Викторов Александр Геннадьевич, аспирант
Астраханский государственный университет

В статье приводится анализ клеевых областей, на которые было обращено внимание советских руководителей в изучаемый период. Астраханская область рассматривалась ими, как ключевой аграрный региона, подверженный природным засухам, однако мало внимания уделялось ее политическому и социально-экономическому значению.

В статье делается попытка актуализировать значение Астраханской области, выделить ключевые аспекты требующие стимулирования, при этом появляется возможность, используя сравнительный и описательный методы, выявить отрасли, которые получили дополнительное стимулирование, при частичном или полном отсутствии стимулирования в ряде других не менее важных для региона областей

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что оно может быть использовано для изучения ключевых общественно-политических вопросов, проблем и противоречий, а также для подготовки комплексных или культурно-исторических работ по истории региона.

Ключевые слова: общественно-политическая жизнь, СССР, 1965, 1985, структура, регион, параметры, значимость.

Благодаря систематической работе центральных и местных властей в относительно короткий период в Астрахани была создана самостоятельная отрасль ма-

териального производства, имеющая мощную производственную и материально-техническую базу, а также кадровый потенциал для крупных организаций. За 20 лет

их усилиями площадь орошаемых земель была увеличена примерно на 1 млн га. Распространение орошения существенно повлияло на психологию людей: они перестали бояться засухи. [1. 21]

Орошение земель требовало научно обоснованной практики и соблюдения определенных технологий. Этот подход был найден, передовые достижения науки увеличили производительность в сельском хозяйстве. Одним из важнейших факторов развития и стабильности мелиоративных систем стало более полное использования внутреннего потенциала, прежде всего человеческого ресурса в лице квалифицированных специалистов. Большую роль в обучении сыграли сельскохозяйственные вузы, колледжи и школы приволжского региона, сумевшие в кратчайшие сроки переориентировать учебный процесс подготовки специалистов мелиорационных профессий. Данное исследование фокусируется на том, что развитие мелиорации было мощным фактором социального и культурного развития сельских территорий. [3. 35]

Созданная производственная база главного управления смогла внести значительный вклад в решение задач улучшения социальной сферы села, успешно сочетаясь в этом направлении с текущей государственной социальной политикой. Согласно планам партии, социальный комплекс должен был формировать правильное физическое окружение. Необходимым условием его становления был максимально высокая доступность и территориальная близость социальных объектов для создания и удовлетворения индивидуальных и социальных потребностей человека. Подъем культуры в деревне рассматривается как важный фактор ускоренного преодоления существенных промышленных и культурно-бытовых различий между городом и деревней, а также как платформа для создания необходимых идеологических и культурных условий для формирования всесторонне развитой личности. [4. 2]

Обеспечение образования в области культуры села считалось необходимым шагом на пути к победе коммунизма. В течение 20 лет, охваченных исследованием, наряду с несомненным успехом накопились и проблемы, нерешенные вопросы, нереализованные проекты. В самом деле, в деревне шли объективные процессы, но под контролем партии их практической реализации часто не происходило; преобладало идеологическое давление, использовался жесткий, но не всегда эффективный метод командования и административных мер. [10]

Это было типично для регулирования сельской социально-культурной сферы. Результаты анализа приведенного тезиса показывают, что в течение всего рассматриваемого периода в регионе оставались небольшие и отдаленные сельские населенные пункты, лишённые полного комплекса социальных услуг. Отставание в развитии не было преодолено. Работа социальной инфраструктуры вызывала много претензий, решение широкого спектра проблем оставалось неудовлетворительным. Многочисленные негативные факты были вызваны стремлением государства к максимизации производства для вы-

полнения многочисленных целей. Таким образом, у плана обнаружились не только положительные, но и отрицательные последствия. [5. 4.]

Темпы экономического роста снижались, постепенно приближаясь к критической точке, многие лидирующие позиции в научно-технической сфере были утрачены. В первой половине 1980-х гг., когда острое противостояние с развитыми капиталистическими странами достигло пика, скачок в гонке вооружений привел страну к предкризисной ситуации. Одним из пунктов массово-политической работы КПСС в Астрахани было повышение идеологического уровня лекционной пропаганды. Информационная работа велась через радио и газеты «Волга», «Комсомолец Каспия», «Знамя коммунизма». Главной задачей было добиться значительного повышения грамотности населения, его политической активности, вовлеченности в мероприятия партии. В обществе «Знание» для этой работы создавались 22 как платформа для создания необходимых идеологических и культурных условий для формирования всесторонне развитой личности. Обеспечение образования в области культуры села считалось необходимым шагом на пути к победе коммунизма. [6. 135]

В течение 20 лет, охваченных исследованием, наряду с несомненным успехом накопились и проблемы, нерешенные вопросы, нереализованные проекты. В самом деле, в деревне шли объективные процессы, но под контролем партии их практической реализации часто не происходило; преобладало идеологическое давление, использовался жесткий, но не всегда эффективный метод командования и административных мер. Это было типично для регулирования сельской социально-культурной сферы. Результаты анализа приведенного тезиса показывают, что в течение всего рассматриваемого периода в регионе оставались небольшие и отдаленные сельские населенные пункты, лишённые полного комплекса социальных услуг. Отставание в развитии не было преодолено. Работа социальной инфраструктуры вызывала много претензий, решение широкого спектра проблем оставалось неудовлетворительным. Многочисленные негативные факты были вызваны стремлением государства к максимизации производства для выполнения многочисленных целей. [7. 1]

Таким образом, у плана обнаружились не только положительные, но и отрицательные последствия. Темпы экономического роста снижались, постепенно приближаясь к критической точке, многие лидирующие позиции в научно-технической сфере были утрачены. [2. 5]

В первой половине 1980-х гг., когда острое противостояние с развитыми капиталистическими странами достигло пика, скачок в гонке вооружений привел страну к предкризисной ситуации. Одним из пунктов массово-политической работы КПСС в Астрахани было повышение идеологического уровня лекционной пропаганды. Информационная работа велась через радио и газеты «Волга», «Комсомолец Каспия», «Знамя коммунизма». [8. 2]

Главной задачей было добиться значительного повышения грамотности населения, его политической активности,

вовлеченности в мероприятия партии. В обществе «Знание» для этой работы создавались 22 необходимые условия, формировались команды для укрепления лекторских групп. [9]

Формами массово-политической и социально-политической работы в исследуемый период были рабочие собрания, переговоры, презентации, лекции, экспозиции через печать, кино, радио, телевидение, а также деятель-

ность учреждений культуры. По сравнению с предыдущим периодом чаще проводились культурно-массовые мероприятия, дискуссии и конференции. Однако главной задачей партийных организаций оставалось выполнение решений и резолюций Совета профсоюзов, ЦК ВЛКСМ и главного политического управления Советской Армии и Министерства культуры СССР.

Литература:

1. Викторов А. Г. Общественно-политическая жизнь советской провинции в 1965—1985 гг. (на примере Астраханской области) — Казань: 2015. — 152 с.
2. Голиков, Г. Н. Очерки истории КПСС / Г. Н. Голиков, А. И. Титов, Ю. С. Борисов и др. — С. 5.
3. ГАСДА АО Ф. 9. Оп. 3. Д. 9. Л. 35.
4. ГАСДАО Ф. 9. Оп. 3. Д. 353 Л. 2.
5. ГАСДАО Ф. 9. Оп. 3. Д. 353 Л. 4.
6. ГАСДАО Ф. 46, Оп. 1, 1-а, Д. 125 Л. 135.
7. ГАСДАО Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Л. 1.
8. ГАСДАО Ф. 9. Оп. 3. Д. 5. Л. 2.
9. <https://visualhistory.livejournal.com/1082165.html> [URL: 8.01.18]
10. <http://www.great-country.ru/content/sssr/komsomol.php> [URL: 8.01.18]

Гендерный подход к изучению специфики формирования морали и нравственности в викторианской школе

Семенова Ирина Александровна, магистрант
Самарский государственный социально-педагогический университет

В статье рассматриваются особенности школьного образования в Викторианской Англии, исходя из гендерного подхода, а также обучаемость различных слоев населения в викторианской школе. Основное внимание направлено на то, как школьное образование влияет на формирование моральных качеств ребенка.

Ключевые слова: Викторианская Англия, мораль, викторианская школа, гендер.

В современном мире принято считать, что европейский образ жизни и национальный характер, да и не только европейский, в основном сложился под влиянием британского воспитания. В то же время привычный вариант английского образа жизни сложился не так уж и давно, а если быть точнее — в XIX веке, в период правления королевы Виктории.

Одним из важнейших составляющих, повлиявших на образ жизни англичан, является английское школьное образование, которому стали уделять особое внимание и в научном, и в художественном осмыслении.

Важное направление в изучении английского школьного образования занимает морально-нравственный аспект. Ведь где, как ни в школе дети узнают самые первые и главные правила поведения в своем коллективе и в обществе в целом. Социальные функции английской школы значительно возрастают в XIX веке. И это не случайно. Это обусловлено самой Викторианской эпохой и личностью королевы. В викторианской Англии царил

своя, необычная и непривычная для других стран, моральная атмосфера. Причем особый интерес представляет не просто морально-нравственные устои английского общества в целом, а разделение его по половому признаку. Ведь образ жизни «женщин-викторианок» значительно отличался от образа жизни «мужчин-викторианцев». И нужно отдать должное развитию педагогической мысли, так как именно в британской школе начинали складываться определенные моральные устои, характерные для типичной английской леди и английского джентльмена.

В Англии проблемам воспитания и образования уделяли внимание еще до правления королевы Виктории. Например, еще в XIV веке у англичан зародилась традиция отдавать детей в более богатые семьи на воспитание, чтобы они усваивали хорошие манеры.

К XIX веку в Англии человек все больше стал понимать важность чтения и письма для собственного развития, несмотря на то, что образование все еще было

доступно, главным образом, для детей из высшего общества. Дети из бедных семей чаще не посещали школы, а выходили на работу, чтобы заработать деньги для своих семей. Русский путешественник К. Паулович в «Замечаниях о Лондоне» отмечал, что богатые родители могли себе позволить обучать детей дома до поступления в гимназии, для этого они специально нанимали учителей [1, с. 143]. «Англичане среднего, обыкновенного класса, занятые непрерывно своими промыслами и делами, отдают детей своих для обучения в »Lodging and Boarding schools»¹. В этом народном училище дети их постоянно живут, обучаются, подсматриваются и кормятся за низкую плату» [1, с. 143].

С 1880 года начальное образование становится обязательным и для мальчиков, и для девочек [2, с. 197]. Но родители из рабочего класса были не в восторге, так как дети тратили драгоценные минуты, просиживая их за учебниками, а не на работе.

Различия в школьном образовании наблюдались не только по классовому признаку, но и по половому. Викторянцы представляли мужской и женский пол как две «отдельные сферы», которые собирались вместе только за завтраком и за ужином. Идеология отдельных сфер основывалась на определении «естественных» характеристик женщин и мужчин. Женщины считались физически более слабыми, но морально превосходили мужчин, а это означало, что они лучше всего подходят для внутренней сферы. Мало того, что их работа заключалась в том, чтобы уравновесить моральную сторону общественной сферы, в которой работали их мужья весь день, они также готовили следующее поколение к продолжению этого образа жизни. В частности это было обусловлено и личностью королевы Виктории, которая была образцовой матерью и женой. Поэтому Викторианский Лондон характеризуется как период высокой морали и культа семьи. Считалось, что основным занятием женщины должно было быть поддержание домашнего очага, рождение и воспитание детей. Поэтому даже зажиточные представители среднего класса не заботились об образовании своих дочерей. Обычно они получали образование не выше базового, то есть не более четырех классов. Их обучали больше музыке, танцам, рукоделию и рисованию [3, с. 94]. Девушек воспитывали так, «будто их главным предназначением было стать украшением серванта» [4, с. 256]. Мальчиков же напротив готовили к публичной сфере жизнедеятельности, их приоритетными направлениями были рыночные отношения, политика, юриспруденция и т.д. Однако женщины потребовали нового образования, чтобы подготовить их к роли «Ангела дома». В «Гордости и предубеждении» Джейн Остен перечислены основные навыки, которые необходимы любой девушке, которая считает себя образованной: «Женщина, заслуживающая это название, должна быть хорошо обучена

музыке, пению, живописи, танцам и иностранным языкам. И кроме всего, она должна обладать каким-то особым своеобразием внешности, манер, походки, интонации и языка — иначе это название все-таки будет заслуженным только наполовину» [5, с. 64]

В 1870 году был принят «Закон о начальном образовании», известный также как «Закон Г. Форстера» или «Диккенсовская реформа». Важнейшим из результатов этого закона стала отмена гендерной изолированности начальной и средней школы [6, с. 20]. А в 1889 г. был принят «Закон о среднем образовании», согласно которому создавалась общая система среднего образования для мальчиков и девочек.

Путь в университет для девушек был закрыт. Основными предметами по-прежнему оставались «accomplishments»²: шитье, игры на музыкальных инструментах, вырезание из бумаги и дерева и т.д. Также, девочек стали обучать родной литературе, основам математики и естественных наук, географии, Священному писанию, иностранным языкам (чаще немецкий и французский), истории. Для аристократок требования к образованию были выше, включая изучение мифологии, истории, географии, рисования, тогда как девушки из бедных семей должны были научиться читать, писать и вести счета. Объем информации для девочек все же зачастую был более ограничен, чем для мальчиков. Например, историю преподавали по сборнику вопросов и ответов Ричмала Магналла, изданному еще в 1798 году [2, с. 198].

Большее внимание уделяли изучению хороших манер и этикета, ведь ответственность за поддержание морали и нравственности лежала на женщине. Поэтому обучение манерам было куда полезнее алгебры.

Сама королева Виктория любила писать. Она писала письма, делала записи в дневниках, которые и сейчас хранятся в британских архивах. Ее примеру видимо следовало и высшее общество, о чем свидетельствуют письма английской аристократии. С развитием образования стал более заметен и культурный рост, а бесчинства стали редким явлением. В письмах аристократов уменьшилось количество ругательств, а процент литературных выражений резко увеличился. Перемены коснулись и развлечений богатых англичан. На замену карточным играм пришли шахматы, а в некоторых лондонских клубах были открыты комнаты чтения. Но все эти перемены касались лишь представителей мужского пола. Женщина не могла посещать клубы, это было сродни тому, что мужчину застали бы за вышиванием. Хотя чтение и письмо оставались общей досуговой практикой, как для мужчин, так и для женщин.

Для мальчиков существовали девять закрытых школ: Итон, Харроу, Винчестер, Рагби, Шрусбери, Вестминстер и др. [7, с. 225]. Самой респектабельной считается Итон, остальные школы уступают которому и по авторитету,

¹ Пансионы, школы-интернаты, закрытые учебные заведения. В таких школах ученики не просто учатся, но и живут в течение учебного года, вместе с учителями и воспитателями

² Достижение, достоинство, совершенство.

и по количеству известных выпускников, в числе которых самые выдающиеся политики, писатели, дипломаты и т.д.

В школе Рагби в период с 1828 по 1842 г. на первом месте стояли нравственные ценности. Главный наставник Томас Арнольд выработал собственные моральные принципы. Например, система старшинства подразумевала, что старшекласники могут властвовать над новичками, применяя к ним систему наказания и поощрения. Также главное внимание уделяли спортивным играм, которые рассматривались как особое средство воспитания. Важность физического воспитания отмечал и Герберт Спенсер. Как сторонник теории эволюции он считал физическое воспитание одним из важнейших аспектов образования, влияющих не только на общее здоровье учащегося, но и на умственное и нравственное воспитание. Особенно Спенсера возмущало отсутствие на спортивных площадках представительниц женского пола. В Англии в то время слабость считалась неотъемлемой чертой женщины.

Тем не менее, английская школа брала на себя ответственность в воспитании типичного джентльмена и типичной леди, и в каждой школе помимо учебных предметов складывался определенный «кодекс чести», который иногда приравнивался даже к закону.

Согласно такому кодексу, викторианский джентльмен должен быть вежливым, гостеприимным и законопослушным, аккуратным и трудолюбивым. Настоящий джентльмен сам обязан быть нравственным и учить нравственности других.

Юного джентльмена обычно обучали классическим гуманитарным дисциплинам: праву, истории, географии, языкам, классической литературе. Обязательными были танцы, фехтование и верховая езда.

Английский мыслитель, педагог, политический и общественный деятель, социальный реформатор Чарльз Диккенс опровергал воспитательную систему Викторианской Англии. Задачами воспитательного процесса в школе и семье он называл задачу привития истинных моральных и нравственных ценностей, а также «воспитание настоящего человека, а не джентльмена» в противоположность традиционному английскому воспитанию XIX в. «Воспитать человека — это значит помочь в развитии человеческого сердца» [8, с. 49]. Комично он представлял в своих трудах и учебные заведения для девочек. По его мнению, ученики «приобретали поверхностное знание об всем и знания ничего». И это было действительно так, чтобы девушки не заскучили на уроке, педагоги часто переключали их внимание с одной темы на другую. Например, типичный план урока из пособия для учительниц в 1867 году:

1. Назови основные исторические достопримечательности Англии.

2. Какая из планет ближе всего к Солнцу, а какая дальше всего? Назови их диаметры и период обращения вокруг Солнца.

3. Назови главные исторические лица в период правления Октавиана Августа.

4. Расскажи о преимуществах и недостатках обучения в Спарте.

5. Назови генералов Наполеона Бонапарта.

6. Сколько существует типов архитектуры? [2, с. 199].

Это означает, что учителя и воспитатели в первую очередь обращали внимание на физические данные, платье девочки, а не на нравственный облик. В девушках сознательно воспитывали глупость, манерность, тем самым подавляя ее индивидуальные качества. Чарльз Диккенс публично выступал против раздельного обучения девочек и мальчиков. Но в то же время поддерживал идею, что девочки не нуждаются в строго научном знании. Им достаточно было быть женственными и уметь вести домашнее хозяйство. А роль общественных деятелей и ведущих профессионалов должны были взять на себя мужчины.

Важно отметить, что в юношеских школах за неповиновение или за невыполнение какого-либо задания мальчики подвергались наказанию, зачастую физическому. Почти во всех школах юноши были сами себе хозяевами во внеучебное время. Главным условием было своевременное посещение занятий, обеда и возвращение к тому времени, когда закрываются ворота. Но и здесь была обратная сторона медали. Несмотря на полную свободу своего времени, ученик должен был своевременно явиться туда, куда ему приказали, и выполнить задания. Малейшая неточность или неповиновение влекли строгое наказание. Наказывали воспитанников обычно строго: лишение отпуска, дополнительное домашнее задание, запираение в карцере или телесное наказание. Основным инструментом телесного наказания были розги. Таким образом в детях воспитывали дисциплину и точность.

Но типаж джентльмена и леди был характерен для аристократии. К середине викторианской эпохи тысячи детей жили в нужде и нищете. И на них распространялись обычно совершенно другие правила. Во-первых, в Англии был очень распространен детский труд, даже существовал ряд детских профессий: работа в угольных шахтах и на заводах, работа трубочистом. Зачастую детский труд был бесплатным, среди представителей высших сословий бытовало свое мнение о детях-сиротах, что лучше такой ребенок задохнется в трубе, чем замерзнет на улице. Какая тут могла идти речь об образовании? Нередки были и такие явления, как детские грабежи и проституция.

Правительству необходимо было проводить мероприятия, которые бы повлияли на поведение населения. Возможность осуществления этой идеи была найдена в системе образования. Тогда была замечена такая тенденция: чем больше школ в местности, тем ниже уровень преступности. Основу образовательной системы для бедняков составили элементарные школы. В таких школах в основном преподавали чтение, письмо и счет. По данным статистического опроса среди бедных слоев в Англии было 67% грамотных мужчин и 51% — женщин [9, с. 142]. Относительно грамотным человек считался, если мог написать хотя бы свое имя. Для неграмотных девушек в возрасте существовали вечерние школы, где они могли получить

образование по сокращенной программе, как правило, после 6 вечера. Некоторые женщины, получив уже начальную ступень образования, сами начинали преподавать, то есть примерно в возрасте 14 лет они становились учителями, что создавало беспорядочность в системе женского образования. У мужчин такого практически не наблюдалось.

В 1862 году был принят «Код правил», аналог современного ФГОС. Вводился обязательный учебный план по чтению, письму и счету для каждого года обучения с четкими требованиями к уровню подготовки учащегося. Особое внимание уделялось чтению, как у девочек, так и у мальчиков, так как на него возлагали воспитательную функцию. Кроме того, девушек обучали манерам поведения на улице и в помещении.

Следствием всех этих факторов стал заметный рост женщин-писательниц, а значит и появление «женской литературы». Большинство романов освещали проблемы воспитания и образования тех времен. Все больше и больше произведений посвящались английской морали XIX века.

Помимо элементарных школ, в Англии действовали и волонтерские школы, которые содержались за счет крупных промышленников. В таких школах учителя представляли девочек и мальчиков причесаться, умыться и смиренно прочесть молитву, а также преподавали основные предметы: чтение, письмо, арифметику, а девочек учили еще и шитью.

Основным результатом внедрения школ для бедняков стало то, что среди бедного мужского населения вырос рост грамотных и квалифицированных рабочих, а каждая

девушка из бедной семьи смогла почувствовать себя немного леди. Уровень образованности вырос и, как следствие, снизился уровень преступности и проституции, бедное население познавало моральные нормы, которые ранее для них были недоступны, что было важно для государства в целом.

Таким образом, за время правления королевы Виктории произошли существенные изменения в образовательной системе. Женское школьное образование стало доступным, открывались школы для бедных слоев населения, правительство было заинтересовано в повышении уровня грамотности населения, вследствие чего был принят ряд законов об образовании. Благодаря этим факторам появилось больше квалифицированных рабочих, государство процветало, снизилась преступность в стране. Но самым главным было то, что в школе, помимо знаний, ученики приобретали моральные качества, им прививались нравственные ценности. А так как в Викторианском Лондоне царил особая моральная атмосфера, это было очень важным шагом для воспитания истинных джентльменов и леди. Молодое поколение с детства познавало правила поведения в обществе.

Наиболее заметны изменения стали для представительниц женского пола, так как благодаря принятию новых законов женщины стали получать знания не только занимаясь самообразованием, но и посещать школы наравне с мужчинами. И это открывало им большие возможности. Таким образом, викторианская школа оказывала большое влияние на формирование личности англичанина, прививала ему моральные качества, характерные для викторианского периода.

Литература:

1. Паулович К. П. Замечания о Лондоне // Харьков: Университетская тип., 1846. — 571 с.
2. Коути Е., Гринберг К. Женщины викторианской Англии: от идеала до порока. — М.: Алгоритм, 2013. — 330 с.
3. Вершинина Д. Б. Воспитание и манеры английских леди XVIII—XIX вв. // Вестник Пермского университета. — 2010. — № 2. — С. 93–97.
4. Grylls R. G. Emancipation of Women // Ideas and Beliefs of the Victorians: An Historic Revaluation of the Victorian Age. — London: Sylvan Press, 1949. — P. 254–260.
5. Остен Д. Гордость и предубеждение. — СПб.: КАРО, 2011. — 480 с.
6. Калининченко И. А. Развитие традиций женского образования в Англии XIX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. — Волгоград, 2008. — 23 с.
7. Bamford T. W. Public Schools and Social Class, 1801–1850 // The British Journal of Sociology. — 1961. — Vol. 12. — № 3. — P. 225–226.
8. Clark C. Charles Dickens and the Yorkshire Schools: With His Letter to Mrs. Hall / C. Clark. — London: Chiswick, 1918. — 60 p.
9. Altick R. D. The English Common Reader: A Social History of the Mass Reading Public, 1800–1900 / R. D. Altick. — Chicago: University of Chicago Press, 1957. — 458 p.

Эдвард Лидскалнин и его Коралловый замок

Таранушич Вера Андреевна, студент
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Все, наверняка, слышали про историческую достопримечательность, находящуюся на территории США, к северу от города Хомстед, — Коралловый замок. Конечно,

в постройке этого замка есть немало загадок и поныне — уж очень оно экзотическое это сооружение, приковывающее к себе внимание абсолютно всех посетителей.

Рис. 1. Один из уголков Кораллового замка

Попробуем хоть немного разобраться, в чем заключается его необычность, кто его и для кого соорудил? Как автору удалось воплотить свои мечты в реальность?

Начнем с того, что Эдвард Лидскалнин родился 12 января 1887 года в небольшой деревушке тогдашней России, под Ригой. Известно лишь из его детства и юности, что он обучался камнетёсному и камнерезному делу. И уже в 1910 году Эдвард покинул Латвию из-за неудавшейся помолвки с шестнадцатилетней девушкой по имени Агнесс Скуфф, ему же на тот момент было уже 23 года. Но девушка в ночь перед самой свадьбой вдруг разорвала помолвку, что разбило сердце юноши в пух и прах. Он так сильно ее любил, называя «Сладкая шестнадцатилетка», что уехал, потратив последние деньги на билет до Америки.

«Угрюмый Эд» скитался сначала в Лондоне, затем пересек океан и очутился сначала в Орегоне, потом в Техасе. Он не боялся никакой работы, с охотой брался за любую, лишь бы заработать немного денег на жизнь. Там он, работая в Техасе, в лагерях по заготовке древесины, заболел туберкулезом. Вскоре переезжает в Калифорнию в более теплый климат, который помог ему облегчить болезнь. Путешествуя по Америке, он увлекся астрономией и историей Древнего Египта.

На деньги, которые ему удалось скопить, а это было приблизительно 12 долларов, он покупает небольшой участок в 4 акра во Флориде. И все свое время посвящает постройке знаменитого Кораллового замка. Над его созданием он трудился около 20 лет. Все свое здоровье и все свои силы он вложил в этот архитектурный памятник, ко-

торый посвятил даме своего сердца — Агнессе, любовь к которой согревала его душу на протяжении жизни. Автор называл свое творение «Парком каменных ворот» или «Каменные врата». Впоследствии люди стали называть это сооружение — Коралловым, потому что все было выполнено из коралла. Выбрал этот романтик коралл неслучайно, потому что во Флориде его можно добыть практически везде. Интересен тот факт, что строительство замка велось в большом секрете, строил Лидскалнин его по ночам. Соседи каждое утро через щели в заборе с любопытством рассматривали появившиеся за ночь новые сооружения и высказывали множество догадок и предположений, о том, что строит загадочный сосед в одиночку, без помощи, как ему все это удается.

В 1936 году на соседнем участке планировалось возвести многоэтажный жилой дом. И Эд решил перевести свой замок в другое место. Поэтому он покупает в 16 км к северу новый участок во Флорида-Сити в городе Хомстед, и нанимает грузовик, чтобы перевести замок. Монолиты он перевозит аналогичным способом, как и при строительстве замка. (Этот процесс будет мною описан далее).

Если коснуться расположения достопримечательностей замка, то в этот комплекс входит большое количество разнообразных сооружений и строений. Главное сооружение — это башня весом приблизительно 243 тонны, которая состоит из 2 этажей. Первый этаж был отведен под мастерские, а второй — под жилые помещения. В замке все было сделано из камня: и ванная, и шкаф, и подземный бассейн с винтовой лестницей, и кресла, и стол, высеченный в форме сердца, и даже кровать. Эд все на-

деялся, что когда закончит строительство замка, Агнесса придет к нему в гости посмотреть на это великолепие, а заодно Эд снова увидит свою возлюбленную. Он неод-

нократно посылал ей приглашения навестить его, но все было тщетно — Агнесса так и не приехала, и не увидела это дивное сооружение, построенное специально для нее.

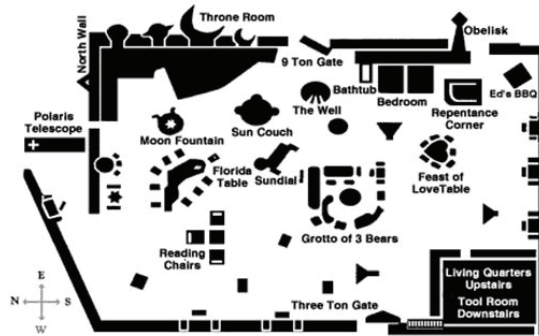

Рис. 2. План Кораллового замка

Что касается территории, окружающей замок, то на ней расположены различные каменные скульптуры. В замок ведут единственные ворота — это, пожалуй, самое удивительное сооружение постройки. При ширине створки 2 метра, высоте 2,3 метра, толщине 0,5 метра и весе в 9 тонн ее мог открыть любой человек. Но как-то раз, инженерам показалось, что дверь заедает, и нужно немножечко подправить и приподнять дверь. Потребовалось

шесть мужчин и подъемный кран, чтобы исправить, как тогда казалось образовавшуюся проблему. После этого дверь перестала и вовсе открываться. Был нарушен идеальный центр тяжести, позволяющий работать многотонным дверям. Хочется отметить небольшой, но весомый факт из биографии «угрюмого Эда»: рост его не превышал 152 см, а вес 54 килограмма. Как ему, далеко не великану, удалось в одиночку построить это сооружение?

Рис. 3. Вход в Коралловый замок

План по доставке монолитов на участок осуществлялся следующим образом: в девять часов вечера грузовик подъезжал к месту погрузки, водитель до утра удалялся с данного места, а на утро его встречал Эд с уже погруженными блоками. Далее грузовик ехал на участок, где аналогичным образом осуществлялась разгрузка камней. До сих пор ученые спорят, как же он мог без посторонней помощи и механизмов поднимать многотонные

камни. Ведь при современном техническом оборудовании это сделать крайне трудно, а по тем временам вообще невозможно. Сам Эд отшучивался или переводил разговор на другую тему, когда люди пытались выведать его тайну. И лишь однажды он вскользь упомянул, что познал тайну строительства пирамид в Египте, добавив к этому: «Я узнал, как египтяне и древние строители в Перу, Юкатане и Азии при помощи примитивных инструментов под-

нимали и устанавливали каменные блоки весом в многие тонны!».

Существует множество предположений по постройке Кораллового замка, затронем более интересные и, на мой взгляд, правдивые.

Одно из них касается того, что Лидскалнину удалось управлять гравитацией. По этой теории, наша планета покрыта некой энергетической сеткой, и в местах пересечения её «силовых линий» возникает концентрация энергии, позволяющая с лёгкостью перемещать даже очень тяжёлые предметы.

Второе предположение касается умением управлять магнитными потоками, это подкрепляется тем фактом, что за годы творения замка он параллельным образом выпустил пять брошюр, посвященных этой теме: «Жизнь ми-

нералов, растений и животных», «Магнитный поток» и «Магнитная основа».

Третье предположение — якобы Эд использовал оккультные способности управлять силами природы, применял звуковые волны или торсионные поля.

Остается только догадываться и предполагать, с помощью чего и как были построены такие архитектурные достопримечательности, как Древние пирамиды, так и Коралловый замок. Надеюсь, в скором будущем эти тайны раскроются и станут известны миру. На примере жизни Эдварда и его гениального сооружения хочется также отметить, что сила любви способна сдвинуть даже многотонные камни и соорудить величественные конструкции как в прямом, так и в переносном смысле этого слова.

Литература:

1. Коралловый замок. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rgo-sib.ru/terra/93.htm>
2. Эдвард Лидскалнин. Магнитный поток. США, 1945

Общественная благотворительность иркутян в годы Первой мировой войны

Федорова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент;
Степанов Александр Викторович, магистрант
Иркутский государственный университет

В данной статье раскрываются особенности общественной благотворительности граждан г. Иркутска в период Первой Мировой войны. Финансовая помощь иркутян не только военным, находящимся на фронте, но и детям и вдовам погибших, беженцам и военнопленным говорит о высоких духовно-нравственных качествах населения Сибири.

Ключевые слова: Первая мировая война, фронт, благотворительность, Иркутск, беженцы, военнопленные.

Первая мировая война 1914–1918 гг. является важной вехой в истории всего человечества. Она завершила собою целую историческую эпоху, привела к крушению Российской империи, Германской империи, Австро-Венгерской монархии, Османской империи. На карте мира появились новые государства: Польша, Чехословакия, Югославия и др. произошел радикальный передел мира. Возник новый мировой порядок. Война отличалась невиданным прежде размахом, носила тотальный характер и привела к огромным человеческим жертвам и разрушениям.

Особое значение война имела для Российского государства. Она стала тяжелым испытанием для страны, потерявшей на фронтах около двух миллионов человек. Ее трагическими последствиями были революция, разруха, гражданская война и гибель императорской России. К сожалению, именно в России в силу целого ряда объективных и субъективных причин Первая мировая война во многом оказалась войной малоизвестной, ее история

полна искажений и умолчаний, ее герои остались незадолго забыты. Именно поэтому проблема исследования общественной благотворительности жителей г. Иркутска в годы Первой мировой войны так актуальна на сегодняшний день.

С самого начала война вызвала подъем патриотических чувств не только среди сибиряков, но и всего населения Российской империи. Однако вследствие ряда неудач, произошедших на фронтах, и возникновения в стране экономических трудностей, отношение к ней постепенно менялось. Зарождались и нарастали антивоенные, нередко смешанные с антиправительственными, настроения. И в то же время основная часть общества продолжала прилагать усилия к тому, чтобы страна вышла из войны победительницей.

Влияние, оказанное войной на население областей, находившихся в глубоком тылу, безусловно, отличалось от воздействия ее на жителей районов, оказавшихся в зоне военных событий. Но и живущие за тысячи километров от

фронта люди не могли оставаться лишь безучастными наблюдателями того, что происходило на «театре военных действий».

В годы войны была очень развита общественная благотворительность. Еще в мирное время это было одной из форм общественной деятельности. В тяжелое для России время увеличилось количество людей, которые нуждались в общественном благодеянии. Так в Иркутске уже с первых дней войны проводился сбор средств на благотворительность. Впоследствии в городе начали проводиться различные мероприятия, на которых собирались средства как для помощи фронту, так и для беженцев и семей военнослужащих. Так, уже в июле 1914 г. товарищество «Второва» пожертвовало 100 тыс. руб. в Московский биржевой комитет в пользу больных и раненых воинов. 1 августа Н. Т. Зверев пожертвовал на нужды, вызванные войной, 10000 руб. 9 августа братья Замятины пожертвовали так же 10000 руб. комитету по обеспечению семей призванных на войну из запаса и ополчения [1, с. 194]. 20 сентября 1914 г. В Иркутске прошел «День флажков союзных армий» — сбор в пользу семей запасных и ополченцев, а также больных и раненых воинов. Было собрано 12107 руб. 78 коп. [1, с. 195–196].

В Иркутске также открывались различные заведения для семей воинов. 24 августа Знаменское попечительство о бедных на Якутской улице открыло бесплатную столовую для детей семей запасных. 29 августа на углу улиц 2-й Солдатской и Кутайсова состоялось открытие приюта-яслей для детей запасных, призванных в ряды армии. 25 сентября по Ямской улице И. Ф. Люблинской открыт приют-ясли для детей запасных. Тут же предоставлено помещение под бесплатные квартиры для жен запасных и ополченцев. 15 февраля 1915 г. по Спасо-Лютеранской улице в доме Корзакова состоялось открытие убежища для раненых воинов, устроенное Иркутским комитетом союза городов. С 15 февраля по 1 сентября 1915 г. во временном приюте Иркутского комитета Всероссийского союза городов для воинов, возвращающихся с войны, пребывало 562 человека, пробывших 3415 дней, и 8 беженцев, живших 140 дней. Отпущено 3555 обедов. Расход по содержанию приюта — 2392 руб. 81 коп. [1, с. 201–202]. 20 февраля прошел «День Солдатского погона». Сбор в пользу раненых воинов, начавшийся на улицах Иркутска после молебствия в городской управе, принес более 8000 руб. [1, с. 202]. В марте Комиссия по оказанию трудовой помощи семьям запасных и ополченцев организовала бюро для подбора возможности заработка для семей воинов.

Уже с первых дней войны иркутяне приняли участие в организации медицинской помощи воинам. 1 августа 1914 г. в Мариинской общине сестер милосердия открылись бесплатные курсы ухода за больными и ранеными. А на следующий день (2 августа) в Москву выехали 30 сестер милосердия. Часть их принадлежала общине, а остальные являлись слушательницами курсов прошлого года.

11 сентября в общественном собрании состоялось заседание местного комитета Красного Креста, на котором обсуждался вопрос об устройстве на театре военных действий Иркутского лазарета для раненых и больных воинов. Предполагалось оборудовать лазарет на 50 коек, что обойдется 14000 руб., а стоимость содержания одной койки в месяц должна была составить 100 руб. «Пока обеспечено содержание 17 коек лазарета, — писал вскоре иркутский «летописец» Н. С. Романов. — С. Н. Родионов пожертвовал 4500 руб. на содержание пяти коек в течение 6 месяцев и т. д». [1, с. 195].

26 сентября Иркутский лазарет благодаря щедрому притоку пожертвований (по 24 сентября поступило 18969 руб. 85 коп.) получил возможность на оборудование 100 коек для солдат и 10 — для офицеров. К 30 сентября в лазарет поступило 41339 руб. 47 коп. [1, с. 196].

22 января 1915 г. в общественном собрании состоялось общее собрание членов Иркутского отделения комитета Красного Креста. На собрании было постановлено ассигновать 5000 руб. на открытие при Мариинской общине лазарета в 14 коек. Согласно данным Н. С. Романова, с 1 сентября 1914 г. по 21 января 1915 г. в Иркутское отделение комитета поступило 115623 руб. 4 коп., расход составил 49750 руб. 95 коп., остаток — 65872 руб. 9 коп. [1, с. 200].

Поступали пожертвования и от различных объединений, и от групп лиц, связанных определенным видом деятельности: профессионально, сферой увлечений и т. п. Так, например, 6 ноября 1914 г. иркутские извозчики пожертвовали на Иркутский госпиталь Красного Креста дневную выручку (было собрано 1583 руб.) [1, с. 197]. 9 декабря парикмахеры Иркутска пожертвовали дневной заработок в пользу лазарета Красного Креста и населения, разоренного войной. Сбор составил 360 руб. [1, с. 198]. 3 января 1915 г. на собрании членов учительского общества было постановлено ходатайствовать об учреждении филиального отделения комитета помощи жертвам войны, функционирующего при газете «Школа и жизнь». Было решено оказывать поддержку семьям учителей-воинов, не состоявших членами общества, и ассигновать на это 100 руб. из расходного капитала. 18 января в городской управе состоялось собрание домашней прислуги Иркутска для рассмотрения вопроса о помощи раненым и больным воинам армии.

Собирались средства и для поддержки национальных групп. 16 января 1915 г. в городской управе прошло собрание армян для организации помощи армянскому населению, пострадавшему от военных действий на турецком театре войны. 10 октября 1915 г. колонией латышей был образован Иркутский отдел общества вспомоществования «Родина», цель которого — оказание помощи беженцам-латышам.

Проводились сборы для жителей пострадавших от войны территорий и даже для союзников. В ноябре 1914 г. производился сбор теплых вещей и других предметов для населения Польши. В этом же месяце бельгийскому кон-

сулу М. Стравинскому было передано 3609 руб. в помощь разоренной Бельгии [1, с. 197]. Тогда же в Иркутске был организован Комитет по сбору пожертвований для населения, пострадавшего от неприятельского вторжения. 2 декабря в пяти вагонах были отправлены теплые и другие вещи для воинов и населения Польши. Они были упакованы в 557 ящиков, общий вес которых составил 1707 пудов. Для сопровождения этого груза был назначен С. П. Курбатов. 24 ноября в городской управе состоялось заседание Иркутского комитета союза городов при участии члена Государственной думы С. В. Востротина, который призвал организовать в Иркутске филиальное отделение созданного в Петрограде Сибирского общества для подачи помощи раненым воинам. В отделение записалось 30 человек. А правление товарищества Второва пожертвовало в Сибирское общество для подачи помощи раненым воинам 10000 рублей. Н. А. Второв лично передал 5000 руб. Еще 2500 руб. правление товарищества Второва перечислило на нужды населения [1, с. 197–198]. 16 ноября 1915 г. общее собрание членов 1-го общественного собрания Иркутска постановило пожертвовать на постройку двух бараков для беженцев 10 тыс. рублей, населению Сербии и Черногории 400 рублей, на противогазы 500 руб. [1, с. 211].

Патриотические чувства в первые месяцы войны поддерживались проведением различных манифестаций. Например, 22 октября 1914 г. состоялась манифестация для встречи на вокзале японского отряда Красного Креста. А 28 октября, после молебствия в кафедральном соборе, состоялась патриотическая манифестация учащихся всех училищ.

Проводились и мероприятия иного характера. Так, 19 октября в зале музея Иркутского географического общества прошла лекция И. И. Серебренникова «Война 1914 г. и ее размеры» [1, с. 196]. С 25 января по 9 февраля 1915 г. в музее Географического общества прошла выставка «Война и печать», организованная И. И. Серебренниковым. Выставку посетило 2500 человек, валовой сбор составил 340 руб. [1, с. 201]. 25 января 1915 г. Иркутский комитет союза городов в пользу больных и раненых воинов, возвращающихся с театра военных действий, устроил вечер-монстр, при проведении которого было получено 2814 руб. 85 коп. дохода (расход составил 677 руб. 75 коп.) [1, с. 201]. 1 февраля в общественном собрании состоялся патриотический концерт М. Д. Агреновой-Славянской. 10 февраля там же иркутской присяжной адвокатурой был устроен вечер в пользу семей запасных и ополченцев Иркутской губернии. 22 августа в пассаже братьев Б. и М. Юцисов военно-промышленным комитетом открыта выставка предметов снаряжения и вооружения войск. 3 сентября Иркутским отделением помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям в общественном собрании устроен симфонический концерт на усиление средств приюта для сирот воинов. В концерте, организованном В. Н. Булатовым, выступал оркестр из 80 человек. Он был сформирован И. П. Райским, который

привлек к участию в нем музыкантов двух военных духовых оркестров [2, с. 147].

В первые месяцы войны в Иркутске появляются беженцы из западных районов России. Они пополняют состав горожан. Вот одна из записей Н. С. Романова за 1915 г.: «24 августа прибыла вторая партия беженцев 80 человек — латыши, евреи» [1, с. 207]. 22 октября 1915 г. состоялось открытие приюта-убежища для беженцев по Троицкой улице, № 30, оборудованного на средства Троицкого приходского попечительства. 28 октября — 5 ноября прошел фургонный сбор теплых вещей, белья и других предметов для беженцев. Многие училища, иллюзионы Дон Отелло и Ягджоглу были отведены под постоя беженцев. 12 декабря Детская столовая архиепископа Тихона открыла приют для девочек-беженок (на 17 человек). Только в 1915 г. в Иркутске осело до 6,5 тыс. беженцев, в большинстве своем женщин, детей, стариков. Еще 3,8 тыс. беженцев дополнили город в следующем году. Всех их надо было устроить на жительство, накормить, одеть. Среди них были русские, поляки, латыши [3, с. 144]. Иркутский комитет союза городов с августа по декабрь 1915 г. израсходовал на расквартирование беженцев 29669 руб. 57 коп. [1, с. 207].

Кроме того, достигают Иркутска и первые военнопленные. С течением времени их поток заметно усиливается. В районе военного городка были созданы лагеря для военнопленных немцев, венгров, чехов, австрийцев. 2 января 1915 г. Н. С. Романов записал, что «в больнице переселенческого пункта находятся несколько военнопленных турок, германцев и австрийцев» [1, с. 199]. 29 декабря 1915 г. в Иркутск прибыл член Государственной думы А. Н. Русанов, делегированный комитетом по оказанию помощи военнопленным для организации в Сибири и на Дальнем Востоке отделов этого комитета. 30 декабря, в зале городской думы, А. Н. Русанов устроил совещание, на котором рассматривался вопрос об оказании помощи военнопленным-соотечественникам.

В апреле 1915 г. в Иркутске началось строительство Кадетского корпуса. Подряд на строительство взяли Жигалов и Михалев. Из-за военного времени строительные работы шли очень тяжело. В связи с мобилизацией, рабочих рук не хватало, и подрядчики использовали на строительстве китайских рабочих. Их было около 200 человек. Кроме них работали около 100 немецких военнопленных. Строили до февраля 1917 г., когда, вследствие революционных событий, стало не до строительства [4, с. 15].

Не забывали в Иркутске и о русских солдатах, попавших в плен. Так, например, 16 ноября 1915 г. общее собрание членов 1-го общественного собрания Иркутска постановило пожертвовать на пособие русским военнопленным 2000 руб. [1, с. 211].

Первая мировая война оказала определенное влияние на развитие иркутской промышленности. В связи с подорожанием сырья и нехваткой рабочих рук закрылся ряд мелких и средних предприятий, сократилось производство на многих крупных предприятиях. В 1910 г. в Иркутске

было создано объединение мукомолов «Торговый дом С. И. Белицкова и К^о», преобразованное в 1915 г. в «Иркутское мукомольное товарищество на паях» с первоначальным капиталом в 300 тыс. руб. Основателями его были владельцы крупных иркутских паровых мельниц С. И. Белицкий, В. М. Посохин, З. И. Помус и Я. Д. Фризер. Товарищество сосредоточило в своих руках почти 90% помола зерна в Иркутской губернии. В 1915 г. возникло еще два крупных акционерных общества. Иркутский купец Голубев, крестьянин Борисов и можайский купец Трещетников учредили «Акционерное общество Иркутского кирпичного завода» с капиталом в 500 тыс. рублей. Общество ставило целью развивать кирпичное производство, строить дома и брать строительные подряды. Еще в 1912 г. было основано «Сибирско-Монгольское торгово-промышленное акционерное общество», учредителями которого стали иркутские купцы Кринкевич, Патушинский, Посохин и управляющий местной конторой Государственного банка Шостакович. Общество занималось закупками в Монголии скота и сырья для кожевенной промышленности. В 1915 г. оно было преобразовано в «Сибирмонгол» и открыло в Иркутске кожевенный завод, оборудованный по последнему слову техники. Завод был рассчитан на обработку 100 тыс. кож в год [3, с. 195]. Летом 1915 г. в Иркутске образован военно-промышленный комитет. 3 июля в городской управе состоялось первое заседание открываемого в городе комитета.

Мастерская Г. М. Хейфеца в кооперации с мастерскими Александровкой центральной и Иркутской губернской тюрьмами (также шили нательное белье и платки) изготовили 82500 ручных гранат, мастерские Байкальской переправы Забайкальской железной дороги — 15000 снарядов к 90-мм бомбometу, литейно-механический завод П. К. Щелкунова в с. Черемхово — 8000 таких же снарядов, Тельминская суконная фабрика братьев М. М. и В. А. Белоголовых — 45000 конских попон, две мастерские училищ: Иркутского промышленного и ремесленного имени Н. П. Трапезникова — 28 токарных станков, а завод Щелкунова — еще столько же, все станки отправлены в Петроград для общества Франко-русских заводов, позднее училища изготовили 50 токарно-винторезных станков для Воронежского завода взрывателей. В округе изготовлено и сдано интендантству 190000 солдатских полушубков, 1700000 шинельных ремней, 14600 валенок, 570000 подков и т. д. Бурный рост с техническим переоснащением пережила кожевенная промышленность, выпустив 218079 пар сапог и 1605 пар полусапог. В целом же, например, в Иркутске к 1917 г. по сравнению с 1910 г. в 8 раз увеличивается число промышленных предприятий, в 5 раз — число работающих [5].

Война не могла не оказать влияния на экономическое положение иркутян. В городе стали расти цены на различные товары. 4 июля 1915 г. секретарь городской думы И. И. Серебренников выехал в Москву представителем Иркутской городской думы на съезд по борьбе с дороговизной. 14 июля 1915 г. в Иркутск прибыл полковник

П. К. Козлов, командированный в Монголию для организации там закупа скота для военных нужд. На следующий день состоялось совещание с иркутскими мясоторговцами. «Вместе с тем увеличение военных заказов стимулировало развитие ряда производств, укрепило их материально-техническую базу и привело в отдельных отраслях к появлению монополистических объединений. Во многом это объяснялось тем, что Иркутску в эти годы была отведена роль одного из центров организации военной экономики на территории Сибири. С учреждением в 1915 г. Заводского Совещания Сибирского района именно в Иркутске решались вопросы мобилизации сибирской промышленности, выполнения и размещения военных заказов» [3, с. 194].

Таким образом, в 1914–1915 гг. жители Иркутской губернии, каждый на своем месте, приняли активное участие в помощи государству в противостоянии мировых держав начала XX века.

Несмотря на связанные с войной экономические трудности, заметно повлиявшие на благосостояние большей части жителей Иркутска (как и всего населения Российской империи), благотворительная деятельность в городе не прекращалась. В ней по-прежнему принимали участие самые разные представители иркутского общества. 2 января 1916 г. воспитанницами младших классов второй женской гимназии И. С. Хаминова был устроен спектакль «Спящая царевна». Половина собранных средств была передана на подарки воинам [1, с. 213]. 5 и 6 марта 1916 г. стали «днями Ермака Тимофеевича». Сбор на пасхальные подарки воинам и семьям ратного ополчения и запасных составил 4425 рублей [1, с. 217]. 21–23 апреля состоялся сбор на нужды войны служащими иркутской почты, телеграфа и телефона. В общественном собрании прошел вечер-спектакль, организованный любительским драматическим кружком чинов почтово-телеграфного округа. В мае 1916 г. при канцелярии 11-го Сибирского стрелкового запасного полка производился прием жертвуемых металлов для нужд артиллерийского ведомства. В августе 1916 г. был открыт приют для безногих воинов, состоявший в ведении комитета великой княгини Марии Павловны.

Продолжается проведение различных общегородских мероприятий, связанных со сбором средств на военные нужды. Так, 26 июня 1916 г. в Александровском сквере прошло гулянье в пользу комитета по оказанию помощи семьям запасных. Сбор от гулянья составил 5613 руб. 14 коп. и 2764 руб. 50 коп. составили отдельные пожертвования; всего, за вычетом расходов, было собрано 7700 руб. [1, с. 222].

Ряд концертов провел Иркутский симфонический оркестр. «Идея создания симфонического оркестра на основе военных духовых после отъезда И. П. Райского нашла еще более последовательное воплощение в деятельности Я. М. Гершковича. Иркутянин, происходивший из музыкальной семьи, он, завершив свое образование в Петербургской консерватории, вернулся в Иркутск

и быстро приобрел репутацию энергичного пропагандиста музыкального искусства. Благодаря своему незаурядному дирижерскому дарованию, ему удалось в короткий срок организовать большой, слаженный военно-симфонический оркестр (состоящий из 50 человек), в котором объединились музыканты оркестров 9-го, 10-го, 11-го и 12-го Сибирских стрелковых запасных полков и струнники из числа любителей и воспитанников музыкальных школ, призванных в армию. Начав выступать с этим оркестром с 1 января 1916 г., Я. М. Гершкович до июня 1917 г. устроил в Общественном собрании 9 симфонических концертов, преимущественно с благотворительными сборами в пользу пострадавших на войне солдат и их семей. С 6 июня по 18 июля 1917 г. состоялось еще 13 концертов симфонического оркестра в Александровском сквере. За один год и 8 месяцев валовой сбор с этих концертов составил солидную сумму — 78 тыс. руб». [2, с. 148–149]. 9 февраля 1917 г. чинами интендантского ведомства Иркутского военного округа был устроен вечер в пользу общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям.

К январю 1916 г. для детей беженцев были открыты школы: в поселке Иннокентьевском при Знаменском женском монастыре, при Князе-Владимирском монастыре, при отделении общества общедоступных курсов и при самом обществе курсов, при духовной семинарии и на детской площадке. Кроме этого, решено было открыть двухкомплектные школы в Знаменском предместье, Рабочей слободе, Глазково и на Троицкой улице, в общей сложности на 500 детей.

Иркутский комитет союза городов для обеспечения беженцев открыл вещевой склад. Он представлял собой магазин собранного готового платья. Но решить вопрос об обеспечении беженцев одеждой комитет союза городов не смог, и в дальнейшем его решало попечительство о беженцах. По сведениям Н. С. Романова, к 15 января 1916 г. в Иркутске было беженцев: 2905 мужчин, 3482 женщины, всего 6387 человек [1, с. 215]. «10 февраля открыт второй очаг для детей-сирот беженцев, помещение на 2-й Иерусалимской, № 29 (1-й на Кругобайкальской, № 19). В обоих очагах помещается до 40 детей круглых сирот или полусирот» [1, с. 216]. К июню 1916 г. в Иркутске было открыто 10 школ для беженцев, количество учащихся в которых составило 397 человек [1, с. 221]. «8 сентября. Приюты для сирот беженцев, бывшие в Глазково и по 2-й Иерусалимской улице, соединены в один и переведены на Якутскую ул., № 8. Призреваемые 55 детей от 3 до 14 лет обучаются делать игрушки из прессованной бумаги и почтовые конверты. Приют основан и существует благодаря инициативе полковника Н. А. Шестоперова» [1, с. 224].

Трудовой отдел (бюро труда) Иркутского комитета союза городов занимался трудоустройством безработных, семей лиц, призванных на войну, беженцев, имел мастерские (столярную, бондарную). Кроме того, в городе проводятся кружечные сборы. Например, 26 и 27 сентября 1916 г. прошел кружечный сбор, организованный Иркут-

ским комитетом по оказанию помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных в действующую армию.

Первая мировая война оказала серьезное влияние на состояние иркутского общества. Резкое повышение цен на все необходимые товары привело к значительному росту торговцев, выезжавших за товарами в Северный Китай. В 1915–1916 гг. «масса любителей легкой наживы, совершенно не занимавшихся раньше торговлей и не знакомых с таможенными формальностями, бросилась в Маньчжурию, откуда везла всевозможные товары... от пуговиц и гребенок до вязаных изделий, мануфактуры и прочее». А с 1917 г. через таможенную пошлину в основном обувь и продукты питания [3, с. 185].

Промышленное развитие Иркутска в годы Первой мировой войны приобретает более динамичный характер. «По сравнению с 1910 г. к 1917 г. почти в 8 раз увеличивается количество предприятий и в 5 раз число занятых на них рабочих. С работниками сферы услуг и ремесленниками численность рабочего класса в Иркутске составляла в 1917 г. 7780 человек, объединенных в 22 отраслевых профсоюза. Еще около 4 тыс. было занято на железной дороге.

Большие военные заказы получила кожевенная промышленность. К их выполнению были подключены иркутские кожевенные заводы «Фукс и К°», «И. И. Гутман и сын», «Товарищество Бр. Макеевских», предприятия Сибирско-Монгольского акционерного общества, десятки более мелких предприятий и мастерских. Завод Фукса значительно модернизировал производство, введя в действие несколько паровых машин и электродвигателей, и поднял производительность в два раза, доведя ее до 15 тыс. кож в год. Многочисленные заказы на металлические изделия, сыромятные ремни, пиломатериалы получили Металлический завод Мокржицкого, мастерские «Товарищество Байкальского пароходства и торговли», шорная мастерская Бурштейна, металлоторговая фирма братьев Бревновых, лесопильный завод Курбатова и др. Для выполнения военных заказов были приспособлены мастерские при иркутских промышленном и ремесленном училищах, военно-обозные мастерские окружного интендантства. Всего к работам по обеспечению действующей армии и местных воинских частей были привлечены около 40 иркутских крупных и средних предприятий города и десятки ремесленных мастерских» [3, с. 194]. Несмотря на то, что количество фабрично-заводских предприятий в Иркутске к 1917 г. увеличилось, абсолютное большинство из них носило ярко выраженный кустарный характер, имело незначительный денежный оборот и малую численность рабочих (в среднем по 5–10 чел.). Большая часть населения города не была связана с промышленностью, а занималась торговлей, огородничеством и ремеслом. Тем не менее, к 1917 г. Иркутск значительно увеличивает свой промышленный потенциал.

Таким образом, в годы Первой мировой войны деятельность иркутян, связанная с войной, ее нуждами, не зати-

хает. Экономические трудности, испытываемые страной, безусловно, наложили отпечаток на эту деятельность, но активность иркутян в помощи фронту не прекращается и в сложный для страны революционный период.

Литература:

1. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / Сост. Н. В. Куликаускене. — Иркутск: Вост.—Сиб. книжное изд-во, 1994. — 560 с.
2. Харкеевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска. / Науч. ред. Я. М. Гришман. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. — 280 с.
3. Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / Отв. ред. Л. М. Дамешек. — Иркутск, 2002. — 512 с.
4. Кинщак В. Кадеты и юнкера / В. Кинщак // Земля Иркутская. — № 4. — Иркутск, 1995. — С. 11–16.
5. Новиков П. А. Сибирские стрелки в первой мировой войне / П. А. Новиков // Известия АлтГУ. — 4–3 (60). — Барнаул, 2008. — С. 187–192.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

12 первых русских дипломатов: об именах русских послов 911 года

Федченко Олег Дмитриевич (г. Брянск)

Статья посвящена лингвистическому анализу имен русских послов 911 года. На основе данных, изложенных в «Повести временных лет» доказано, что послы, так же, как и Рюрик с командой, имели балтское происхождение.

Ключевые слова: Русь, Рюрик, варяги, Калининград, Византия, славяне, коммент

В начале X века юное Русское государство осуществило первые две международные договорные кампании, ставшие результатом военного похода князя Олега с дружиной на Византию. Кроме юридической ценности, интерес представляет и поименный состав послов. Летописец «Повести временных лет» перечисляет участников переговоров по 907 и 911 годам. Поскольку сам Олег входил в команду призванного новгородцами Рюрика, то, очевидно, что к рюриковой эпохе принадлежат и первые русские «дипломаты». Поэтому изучение их имен представляет определенный исторический интерес, помогающий узнать о зарождении русской государственности.

Наиболее полным по содержанию и составу персоналий стал второй договор. Летописец перечислил русских участников процесса:

[6420 (912)] ...мы рода Русаго. Карлы Инегелдь. Фарлофъ. Веремудъ. Рулавъ. Гуды Руалдъ. Карнъ. Фрелавъ. Рюаръ. Актеву. Труанъ. Лидульфость. Стемиръ. иже по срани лга великаго кнз Русаго. и всѣхъ иже суть по рукою его. свѣтълыхъ боарь. [1].

Предположительно, поименный список есть транслитерация с греческого языка, что приближает антропонимы к их древнему звучанию. Так, в поучении византийского императора Константина Багрянородного встречаем *φενδοσθλ βος* (Святослав), *γγορ* (Игорь) и *φενδοπλ κος* (Святополк) [2, с. 56]. Именно такое греческое написание — Свендослав, Ингор и Свентоплок позволило установить балтское происхождение данных антропонимов: Свендослав — княжеского рода, Свентоплок — славный воин, Ингер — высокочтимый [3, с. 42].

Прежде обратимся к договору 945 года, который позволит определить принцип построения списка послов. В той же летописи читаем: « [6453 (945)] мы рода Русаго слы. и гостье Иворъ соль Игоревъ великаго кнз Русаго. и бчии слы. Вуефасть Ст ославль сн а Игорева. Искусеви лгы кн гын. Слуды Игоревъ. нетии Игоревъ. Оулѣбъ Володиславль. Каницаръ Перьславинъ. Шигобернъ. Сфандръ. жены Оулѣбовы. Прастень. Турдуви.

Либи. Арьфастов. Гримъ Сфирковъ. Прастѣнь. Екунъ. нетии Игоревъ. Кары Тудковъ. Каршевь. Тудоровъ. Єгри. Єрлисковъ. Воистовъ. Иковъ. Истръ Аеминдовъ. Аетьв гъ Гунаревъ. Шибъридь. Алданъ. Колъ Клѣковъ. Стегги Єтоновъ. Сфирка. Алвадь Гудовъ. Фудри Тулбовъ. Муторъ. Оутинъ купѣць. Адунъ. Адолбъ. Ангивладъ. Оулѣбъ. Фрутанъ. Гомоль. Куци Ємигъ. Турьбридь. Фурьстѣнь. Бруны Роальдь. Гунастръ. Фрастѣнь. Ингелдь. Турбернъ. и други Турбернъ. Оулѣбъ. Турбенъ. Моны. Руалдъ. Свѣньстиръ. Алданъ. Тилии. Апубкаръ. Свѣнь. Вузелѣвь. и Синько биричь. послании Игор . великаго кнз Русаго. и всеа кн жъае. и всѣхъ люди Русаго земли» [1].

Видим, сначала перечислены уполномоченные от княжеских родов, затем — «высокопоставленные чины», затем — купцы и другие. Очевидно, что подобная «статусная» схема могла бы присутствовать и в рассматриваемом договоре 911/912 года. Действительно, так и есть. Послы « рода Русаго» представлены двумя группами — Карлы и Гуды. Именно эти два слова, выказанные во множественном числе, являются обозначающими иерархическое положение русских «дипломатов», а не имена людей.

Напомним, Рюрик со товарищи имеют балтское происхождение — с территории современной Калининградской области [3, с. 41–43], что согласуется с позицией, высказанной Л. Палмайтисом, что первичными русами следует считать скаловских балтов, именовавшихся по месту обитания у рукава Немана Руса [12, с. 5]. Таким образом, послов того времени можно рассмотреть в той же языковой среде.

Тогда окажется, что Карлы есть обозначение военных руководителей, воевод. Аналогичную мысль о нарицательном, а не личном, имени высказал русский историк Н. Арцыбашев, вскользь, без обоснования, сославшись на шведский язык [4, т. 1, с. 52]. В нашем же случае, этимология слова опирается на балтскую языковую среду: *kara, karys* — воин, возможно, далее — *karālius* — вождь, предводитель. Первичен же в этом ряду, если принять мнение W. Smoczyński [5, с. 177], глагол *kér-ti*

(от индо-европейского корня (s)ker-) — (вы)резать, отделять, (вы)рубить. В прусском языке мы встречаем *kerle — топор, секира [6, т. 2, с. 176]. Возможно, была использована древняя форма прилагательного на *-lus*, усиливающая значение корня *kar-*. Таким образом, первая группа послов оказываются славными воинами, княжескими «высокопоставленными» дружинниками, знатью.

В летописи Карлами представлены Инегелдь. Фарлофь. Веремудь. Рулавь.

Инегелдь схематично соответствует вышеупомянутому антропониму Ингор (*in-(i-) +geras* — высокочтимый) и может быть представлен в виде *in+geld*. Как отмечает В. Н. Топоров, в балтских языках встречается достаточно много слов с корнем *geld-/gold-* и значения их очень многообразны [7, т. 2, с. 137]. Мы же, как обычно, выбираем в качестве основы глагол: *geldeti* — помогать, *galdyti* — точить, обтирать. С учетом усиливающей частицы *in-* значение антропонима можно определить как «очень полезный /военный/ помощник», «всегда приходящий на помощь». Стоит отметить, что в договоре 945 года присутствует уже купѣц Ингелдь. В средние века известны легендарный князь литовский Рингольд, литовско-польский род Гедиголд. Встречаются и такие имена как Гедгаудас (Гедигольд), Визголд (Висгаудас). В балтском ареале можно наблюдать и многочисленные гидронимы и топонимы с корнем *Gald-/Geld-* (*Galdikas, Gelda, Geldupis, Geldenai* и другие). Мы часто обращаемся к однокоренным гидронимам, чтобы подчеркнуть, что рассматриваемые корни имеют безусловное происхождение в балтской языковой среде, при том, что гидронимы являются наиболее устойчивыми языковыми формами. Еще отметим встречаемое в летописях по году [6479 (971)] имя воеводы Свѣнгелдь [1] (варианты — Свенельд, Свѣналдь и другие). Корень *geld-* рассмотрен выше (вариант корня *ald-* будет изучен далее), первый элемент *свен-* имеет соответствие с *svinet, šventas* в значении «славный». Таким образом, антропоним Свенгелдь/Свенельд есть «славный воин». Здесь можно вспомнить и соратника Святослава по имени Сфенкел(ь). Первый компонент *свен-* соответствует предыдущему антропониму, второй происходит от *kelti/kilti*, давая *kelis* в значении род, общность, племя. Тогда Сфенкел может означать «славного рода».

Фарлофь (Фарло^о), как и подавляющее большинство древних имен, является двухсоставным — фар+лоф. Первый компонент есть *vage (wage)*, указывающий на силу, мощь, второй — заключен в глаголе *liáuti, lióvė* — останавливать, сдерживать, находиться (быть) на месте. Можно вспомнить и про индо-европейский корень-основу *leu- в значении отрезать, отделять [7, т. 5, с. 219]. Тогда значение антропонима может быть определено, как спокойный, сдерживающий, неприступный, крепко стоящий воин. К древним именам с данным корнем относят *Liu-bartas, Liu-gaila*, Лов-кент и другие [8, с. 216]. Стоит отметить, что упомянутый балтский глагол связан и с названием реки Ловать, протекающей как раз-таки в Псков-

ской и Новгородской областях [9, с. 62]. Также можно встретить и литовский гидроним *Loviai* [10, с. 196].

Веремудь (Веремоу^а): имя вновь представлено двумя частями. Элемент *veg-*, как вокализм *reg-*, является приставкой с усилительным значением [6, т. 3, с. 257]. В основу второй части можно положить глагол *maudyti* в значении бить, ударять [9]. Также обратим внимание на рассуждения, приводимые В. Н. Топоровым, по поводу данного корня в контексте значения «чистый — красивый» [7, т. 1, с. 158–159], что, по сути, есть здоровый, крепкий. В целом, мы имеем дело с обозначением «отличного, прекрасного, крепкого воина». Однокоренными именами являются *Maude, Maudin, Pa-maude* и другие. Здесь представляется возможным посмотреть и на такое однокоренное имя, встречающееся в летописях, как Асмуд — кормилец Игоря и воевода. Основа *муд-* выше рассмотрена, а частица *ас-* есть используемый в литовских антропонимах элемент *аš-*, выступающий в качестве связи воина с конем и, как следствие, богатства, власти (встречается в имени Аскольд) [8, с. 210]. Из балтской топонимики можно привести *Mauden, Maudytyn, Maudutis, Maudu, Maude* и другие [7, том 1, с. 159; 10, с. 207].

Рулавь имеет в основе корень *лав-* от *lavus* — ловкий, смысленный, искусный (*lavyti* — крепить развивать физические и духовные качества, развиваться), *lavas* — охота. Не упускаем из вида и выше рассмотренный индо-европейский корень *leu-. Первый элемент, вероятно, соответствует *рю-/ру-* из (*g*)*ruja* в значении команда, ватага, объединение (*būrys, gauja*) [3, с. 43]. Здесь стоит отметить, и другое направление — *ruja-II*, ведущее нас к названию двух литовских месяцев — *rugpjūtis* (август) и *rugsėjis* (сентябрь), в основе которых лежит *rugys* (рожь). В совокупности можно определить имя Рулав, как успешный, искусный /охотник/воин. В литовской гидронимии встречаем *Lavysa, Laviškio* [10, с. 184].

Переходим ко второй части списка русских послов. Здесь вновь вспомним мнение Н. С. Арцыбашева, который считал «Гуды» не личным именем, а нарицательным [4, т. 1, с. 52]. И вновь согласимся с русским историком, но этимологию сопоставим с балтской языковой средой. Как отмечал В. Н. Топоров, широко распространенный корень *gud-* использовался также для определения этнически иного, социально более низкого слоя [7, т. 2, с. 327], например, в литовском языке *gudas* — и простолюдин, и опытный, бывалый. Таким образом, Гуды есть сословие ниже, чем Карлы. Здесь же, по традиции, упомянем гидронимы *Karlišķiai, Gudas* и другие [10, с. 125, 148].

К Гудам в списке послов отнесены Руалд^б. Карнь. Фрелавь. Рюарь. Актеву. Труань. Лидульфость. Стемирь.

Руалд^б, как и большинство имен, является двухсоставным *ру+алд*. Частица *ру-* была рассмотрена выше. Корень *ald-* можно сопоставить с глаголами *aldeti* — шуметь, гудеть, *aldyti* — выгонять, защищать. Значение данного имени, вероятно, может быть выражено термином «бранник». Через 34 года имя Руалдь встречается в договоре уже в ряду «другие». В средневековых документах

можно отметить прусские имена Aldegut, Aldewisse. В гидронимии имеются названия Aldikis, Aldos и другие [10, с. 38].

Карнь, очевидно, может происходить от вышеупомянутого глагола *kér-ti* (от индо-европейского корня (*s*) *ker-*) — (вы)резать, отделять, (вы)рубить. С расширителем *-n-* имеем *karnyti* — драть, лупить, бить, колотить, *karneti* — твердеть. Таким образом, Карн — имя, обозначающее воина, ратника. В балтском ареале ономастики можно увидеть *Karnymiten*, *Karnelis*, *Karn-ure* и другие [7, том 5, с. 233–234; 10, с. 148]. Здесь же можно вспомнить про предполагаемую столицу древних литовцев — *Кярнаве/Керпаве* (замок Кернос), которая, возможно, получила название от легендарного литовского князя Керно/Кярнос [13, часть 1].

Фрелавь первоначально мог звучать, как *Prielaiv*. Тогда имеем очень распространенный элемент *prie-* (*pre-*) — при, к, у, возле, который можно встретить, например, в прусских именах Пребут, Предрус, Предар и другие. Второй компонент представлен вышеупомянутыми *lavus* — ловкий, смысленный, искусный; *lavas* — охота. Тогда имя может означать «прекрасный охотник/воин».

Рюарь состоит из двух частей — *ру-* и *-ар*. Первый элемент уже был рассмотрен выше. Корень *ap-* соответствует глаголу *arti* — разделять, рассекать. Вновь имеем значение антропонима, указывающее на принадлежность его носителя к ратному делу. Можно встретить имена Ар-бут, Ар-канти, Ар-вид и другие. Балтская топонимика с корнем *ar-* сколь разнообразна, столь и многозначна [7, том 1, с. 100; 10, с. 47].

Актеву имеет основу от балтского корня *taut-* (*tèv-*, *taw-/tow-*), указывающего на род (племя, отец, наследник, отеческий и т.д.). Можно встретить большой спектр имен и литовских, и прусских — *Tau(t)-ginas*, *Taut-kantas*, *Min-tautes*, *Girs-tawte*, *Tawikin*, *Na-thawa* и другие. Элемент *ак-* можно увидеть в прусских антропонимах *Actole*, *Askuthe*. Происхождение данного компонента можно связать с *aketi* — бороться, однако первоначальное значение заключено в индо-европейском корне **ak-/*ok-*, которое можно определить, как *durti*, *badyti* — колоть, бодаться, бороться [6, т. 1, с. 60]. Обратим внимание и на *durti*, которое присутствовало в объяснении имени Дир [3, с. 42]. Таким образом, Актеву, вероятно, есть «защитник рода (Отечества), бьющийся за род». Корень *taut-* достаточно распространен в литовской гидронимии [10, с. 341–342]. Стоит также отметить, что в дальнейшем на Руси встречается понятие «тиун», означающее высокого чиновника, княжеского управляющего, а по Карамзину, и знатного человека уровня боярина [12, с. 137]. Должно отметить и литовское *tèvunas* — вотчина.

Труань есть *тру(три)+ан*. Первый компонент известен по рассмотренному имени Трувор/Тривор и представлен *trys* (*triju*) — три [3, с. 43]. Второй элемент *-ан* может быть сопоставлен с распространенным в литовской ономастике корнем от глагола *eiti* (*eina*) — идти, двигаться

(*Ei-butas*, *Eit-muntas*, *Gin-eitas*, прусские — *Ey-gayle*, *Eynne*, *San-eyte* и другие). Далее имеем *einus* — быстрый, резвый, мобильный («легок на подъем»). Тогда значение имени можно определить, как Трибыстрый (наподобие трижильный, триоружный и другие), т.е. очень быстрый, подвижный. В балтской ономастике имеем *Аупе*, *Еупне*, *Einautas* и другие [7, том 2, с. 20; 10, с. 100].

Лидульфость оригинальный по виду, но похожий с предыдущими антропонимами по значению. Если согласиться с позицией В. Топорова, то компонент *луд-* может отражать вариативный корень *leid-/lied-/lyd-* в определении агрессии, хищничества — бросаться, вырубать, атаковать, в том числе, праща и подобное [7, т. 5, с. 224–226]. Здесь же использована суффиксальная морфема с элементом *-ulis*. Составляющая Фост может быть связана с глаголом *vesti* (прусское *west*) — вести, а также родственное — *vadyti*, в дальнейшем — *vadas*, *vastas* — заправила, вожак. Тогда столь длинное имя может означать «агрессивный вожак» или «забияка». Из средневековых антропонимов можно отметить *Leyde*, *Pa-leyde*. Рассматриваемый корень *луд-* широко распространен в балтских топонимах и гидронимах [7, том 4, с. 191, 223; 10, с. 188–189].

Стѣмир имеет два компонента *сте+мир*. Компонент *ste* (*stu*) соотносится с прусской частицей, усиливающей, уточняющей действие [6, том 4, с. 156, 162]. Элемент *мир-* может быть сопоставлен с глаголом *miriti* — думать [7, том 2, с. 81]. Из антропонимов можно отметить прусские *Muge*, *Mire-gaude*, *Na-mir*, *Ste-but*, *Ste-kint* и другие. Встречающийся в летописях вариант *Стеמיד*, вероятнее всего, является либо опиской переписчика (поскольку антропонимов с корнем *луд-* не встречалось), либо мы имеем дело с прусским диалектизмом *meida*, отправляющему нас к выше рассмотренному *lied-* [6, том 3, с. 57, 122]. Из литовских гидронимов можно назвать *Mirelis*, *Miruolio* и подобные [10, с. 218].

Сделаем небольшое, но интересное отступление, которое косвенно затронет тему антропонимов. Описывая один из эпизодов балканских походов Святослава, Лев Диакон в своей «Истории» отмечает: «На другой день на рассвете Сфендослав созвал совет знати, который на их языке носит название »комент« [14, т. 2, с. 209]. Исследователям не удалось объяснить термин »комент« со скандинавского или германского языков и пришлось приписать то ли русам, то ли информаторам использование мало созвучного латинского *conventus*. Между тем, объяснение кроется в »их языке« — балтском: *ко+мент*, где первая частица *ka-/ko-* (от *kas*) в значении »те, которые«; корень же происходит от *minti* (*mintyti*) — думать, разглагольствовать, *mintis* — дума, размышление [15, с. 230, 319]. Таким образом, *комент* — дословно, »сомыслители« или »те, которые размышляют, с кем можно советоваться«. Аналогичный корень *mant-/mint-* широко использовался в прусских и литовских антропонимах [8, с. 217].

Таким образом, можно сделать вывод, что вторая «волна» русов после Рюрика сохранила свою родовую балтскую идентификацию. В этом контексте характерно

свидетельство летописца в «Повести временных лет», который указывал, что Олег повелел грекам предоставить лучшие паруса русам, попроще — словенам: «...и речъ легъ. ищиите пре паволочиты Руси. а Словѣно^м. кропинныѧ...» [1]. Здесь же интересен и летописный пассаж о богах, которыми клялись русы: «...а льга водиша и мужии его на роту. по Рускому закону. кл шас ружьемъ своимъ. и Перуномъ бм ъ своимъ. и Волосо^м скотымъ бг омъ». [1]. Данные свидетельства однозначно указывают, что русы — это не словене, не скандинавы, но представители балтских племен, поклоняющихся Пер(к)уну и Вел(е)су. Ибо не будет «высшее» сословие подражать «низшему» в религиозных культурах, если даже в малом (в парусах, например) подчеркивает свой статус.

Данный вывод совпадает с предположением известного археолога В. И. Кулакова, который отмечал, «скорее всего, располагавшая многочисленной дружиной — Самбия — дала в начале второй половины IX в. вооруженный контингент для стабилизации общественного положения и, соответственно, торговых путей на прилегающих к восточной оконечности Балтики землях» [16, с. 191].

Вместе с тем, можно предположить, что балтский языковой элемент был широко представлен и в среде славян, вовлеченных в создание русского государства. Видимо, на такое языковое родство указывали автор «Повести временных лет», М. Ломоносов, М. Стрыйковский и другие исследователи, в том числе и современные — в рамках гипотезы о балто-славянском языковом единстве.

Литература:

1. ПСРЛ. — Т. 2. Ипатьевская летопись. — СПб., 1908. — Стлб. 21–35. <http://litopys.org.ua/ipatlet/ipat01.htm>
2. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik. Washington, Dumbarton Oaks, 1967
3. Федченко О. Д. Рюрик и его команда (этимология антропонимов) // Вопросы исторической науки: материалы V Международная научная конференция — Казань: Бук, 2017
4. Арцыбашевъ Н. Повѣствованіе о Россіи. — Москва 1838, т. I.
5. Smoczynski, W. Staropruckie lekcje i etymologie I Text. / W. Smoczynski. // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Jzykoznawczego. — 1983. — Т. 40. — Р. 167–185.
6. Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius: Mokslas, Mokslo ir enciklopedijų leidykla, Т. 1–4, 1988–1997.
7. Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. М.: Издательство «Наука», 1975–1990. Т. 1–5.
8. Валянтас С. Двусоставные антропонимы — реликты поэзии балтов // Балто-славянские исследования. XVI. — М.: Индрик, 2004. — С. 201–224.
9. Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005
10. Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. («Etymological Dictionary of Lithuanian Hydronyms»). Vilnius, «Mokslas», 1981.
11. Палмайтис Л. Предложение по научной русификации исконных наименований перешедшей в состав России северной части бывшей Восточной Пруссии / Л. Палмайтис; Европейский институт рассеянных этнических меньшинств, 2003.
12. Карамзин Н. М. Предания веков. — М.: Издательство «Правда», 1987.
13. Хроніка Литовська й Жмойтська. Части 1–5. <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov.htm>
14. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия в 5 томах / Под редакцией Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науки, 2009.
15. Derksen R. Etymological dictionary of the Baltic inherited lexicon. Brill. Leiden · Boston, 2015
16. Кулаков В. И. Погребальный обряд пруссов в эпоху раннего средневековья // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.

Научное издание

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

V Международная научная конференция
Краснодар, февраль 2018 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *М.В. Голубцов*

Издательство «Новация», г. Краснодар

Подписано в печать 24.02.2018. Формат 60x90 1/8.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,03. Уч.-изд. л. 5,61. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.